

Алексей Шаповалов

Все границы вселенной

Алексей Шаповалов

Все границы вселенной

«Издательские решения»

Шаповалов А.

Все границы вселенной / А. Шаповалов — «Издательские решения»,

О чём эта книга? Конечно же, о любви. Немного о счастье. Немного о смерти. Немного о жизни. Немного о женщинах. Немного о вере в Бога. О границах вселенной, до которых у нас есть возможность дотянуться. И ни одного слова о религии...

Содержание

Все границы вселенной	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Все границы вселенной

Алексей Шаповалов

© Алексей Шаповалов, 2015

© Константин Аполлонович Савицкий, иллюстрации, 2015

Корректор Валерий Цуркан

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Все границы вселенной

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Екклесиаст 1: 9—10

Мой друг принёс вчера бутылку, сказав:
«Ты морем увлечён.
Прошу прочти вот эту мысль
Как я её прочёл».
И вынув мне из бутылки
Каких-то три листка
Он водки выпил и ушёл
Лишь скрипнула доска
Я развернул сии листы
И начал я читать
Передо мною чья-то жизнь
Как мне её понять?

«Я жил один среди песков
И джунглей городских
Я женщинам смущал умы
И совращал я их
Но вот наследство мне дано
Откуда не пойму
Решил построить вдруг фрегат
Команду я найму
А впрочем к чёрту найм людей
Собрать бы мне друзей
Охотников таких как я
До женских прелестей
И вот команда набралась:
Ну барышни, держись!
Фрегат бежит наш по волнам
Как мчится птица ввысь.
Мы поднимали реи вверх
«Расправить паруса!»
Фрегат буравил толщи вод.
Он гордость и краса.
Туда где Страсть и Похоть ждут
Спешили мы скорей
И боцман радостно свистал
Наверх своих друзей
Когда ж слышав о войне
Мы радостно смеясь,
Набрали флагов разных стран

Чтоб не узнали нас.
И вновь по женские сердца
Отправились мы в путь.
Когда вокруг одна беда
Немудрено рискнуть.
Прикидываясь тут и там
Спасителями жизней, душ,
Мы соблазняли милых дам
И не один убит был муж.
И вот в одном из городов
Что нами был взят в плен.
Мы увидали женщину одну
Чей образ был не тлен.
Пытались мы ей овладеть,
Но тут уже увы.
Владея шпагой как богиня
Она разрушила мечты.
Мила, стройна и грациозна
А может и сама любовь
Шепча защиты заговорки
А может заклинанья слов
Вмиг в страх и трепет всех ввергала
Я помню лишь как отступал.
Зов плоти снова гнал на шпагу
Он болью мозг нам разрывал
Венера по своей по сути
Аделаида самых светлых снов.
Как только мы все не старались
Не удалось нам снять покров.
И мы впервые отступили
Зализывая раны, матерясь.
Нас всех к её душе влекло отныне
Расплаты жесткой пробил час.
Готовы были бросить золото к ногам
Но знали точно: не возьмёт.
Мы наливались доверху вином и водкой
Надеялись: смерть нас приберёт.
Блудницы мысли мрачные нам разгоняли
Их ласки согревали кровь.
Но это было всё не то, всё тленно
Ведь мы уже увидели любовь.
Всё вдруг пошло наперекос
И стало всё не так.
Ну просто всё совсем не так.
Да Бог уж знает как!
То в борт вдруг сильно саданёт
Противника ядро.
Качаешь помпы что есть сил
Чтоб не уйти на дно.

То ливень хлынет, то туман
Добыча ускользнёт.
То не найдём спокойной бухты
Ну форменно нам не везёт
Воскликнул я тогда: «Друзья!
В плену, мы, женских чар.
Давайте ж выход мы искать
Искать счастливый дар».
И каждый был во что горазд:
Психологи и мудрецы.
Спросили мы у звёзд и у змеи
Но так и не нашли концы.
А штурман опытом был умудрён
Решительнее всех он.
Воскликнув: «Истина в вине!»
Пошёл гнать самогон
Так в полупьяном забытии и отравлении
В утехах блудниц озорных.
Скитались по морям искать спасенья
Укрытия от ветров боевых.
В одном селе одна старушка
Вдруг подсказала мысль просту:
Доверьте Богу свои души
Ведите жизнь в молитве и посту.
Дала она на шею образок
Благословя до моря проводила
А там уж рыбаки маршрут нам указали
К трём островам далёко от залива.
Мы шли под всеми парусами
Ещё не веря в то что наконец
Найдём душе успокоенье
И славы вечной обретём венец.
Увидели мы острова на море
Один как камень вырос вдалеке
Другой песчаной отмелью разлётся
А третий прост как на реке.
Мы все ещё разок в мыслях прикинув
«Друзья, а не остаться ль тут?»
И помолясь-перекрестясь
Вогнали киль мы в грунт
И дружно стали разгружать
Все доски и бруски
И возводили монастырь
Чтоб Бога обрести
Мы коротали день-деньской
В молитве и посте
Но ночью шли опять к вину
И к женщинам в постель.
А сердце ныло болью за грехи

Ну как тут нам всем быть.
И вот решились на последний шанс:
Лазеечку прикрыть.
Последний взяли мы баркас
Наполнили едой
И посадили женщин внутрь.
Отправили домой.
Подули сильные морозные ветра
Припасы на нуле.
Мы поняли всем разумом своим
Не быть у нас весне.
Корабль наш застрял во льдах
Не снять его с мели
Без пищи, ласки и с тоски
В мир лучший отошли
И вколотив последний крест
В соседний островок
Бросаю в море сей бутылъ
И в нём немного строк...»

Я дочитал послание сие...¹

«...Либо я не понимаю стихов, либо это бред и галиматъя. Вполне возможно, что чей-то воспалённый мозг не в силах был сдержать эмоции и оттого вылил их все на бумагу. Впрочем, с одной стороны, бумага всё стерпит, а с другой? С другой, все настоящие книги, рассказы, стихи и прочее может быть только эмоциями человека. Его переживаниями: болью или наивысшим счастьем. Тем, чего нельзя удержать внутри. Кто знает – может, я просто завидую автору, что он смог себя реализовать, а я нет. Он смог выразить боль свою, а у меня не получилось. А может, стихи действительно плохие, и автор просто пытался перехватить у судьбы кусочек славы. А на самом деле здесь то рифма пропадает, то ритм сбивается. Зато книга издана, и след в истории оставлен. И не надо думать, что книги и библиотеки завалены макулатурой. Главное, тщеславие потешено. А вот кто я? Что я? У меня всего лишь моё маленькое дело. И я его делаю, как могу. Меня не станет – мир не рухнет. Коли уж доведётся быть знаменитым так и что ж? Меня-то всё равно забудут. Будут помнить лишь то, что сделано, да приукрашенный либо очернённый образ».

Игорь Шверцев, мужчина лет примерно тридцати пяти – как говорят, в поре зрелости, сидел в одной из самых распространённых забегаловок мира и, коротая время за чтением подаренной ему книги стихов, дожидался, пока его дочь поест. Впрочем, не только утоление голода его ребёнка заставляло находиться в помещении «МакСтара». Здесь же он ожидал своего друга, работника диспетчерской службы, который должен был сообщить ему о новом рейсе. Можно было, конечно, сразу пройти на станцию, но там и так была толпа пилотов-дальнобойщиков в ожидании фрахта, а тут была возможность получить что-то по знакомству. Одет Игорь был в чёрные джинсы, голубую футболку и кожаный, весьма потёртый жилет со множеством карманов, выдававший тот факт, что его хозяин был в недалёком прошлом космическим пилотом и бороздил просторы вселенной в поисках разумной жизни и пригодных для обитания планет. Причин, заставивших пилота покинуть звёздную пустоту, жилет, как элемент форменной одежды, объяснить, разумеется, не мог. А его хозяин, с сонным взглядом и трёхдневной щети-

¹ Печатается с сохранением особенностей авторской пунктуации. – *Примеч. ред.*

ной, думал не о прошлом, а о том, что ему делать в этой жизни дальше. Читая стихи и размышляя над смыслом или смыслами жизни, он словно выпадал из неё. Он ничего не замечал вокруг: ни звона посуды, ни выкриков «Свободная касса», ни даже ссоры буквально за соседним столиком, где один из подростков затеял бурные препирания с уборщицей заведения по поводу того, что он будет сорить, где хочет, и никто ему не указ. При этом парень дополнительно аргументировал тем, что уборка за посетителями – это прямая обязанность противоположной стороны. Видимо, недостаток воспитания, он считал нечто вроде пропуска в положение хозяйина этой жизни. Лишь изредка взгляд Игоря фокусировался на девочке, чей образ в розовом платье и босоножках возвращали его в повседневное состояние. А девочка тем временем доставала из бумажного контейнера запечённые, вкусно пахнущие маслом, слегка покрытые румяной корочкой ломтики картофеля и, поочерёдно макая в каждую из трёх баночек с соусом, запихивала их в рот. При этом она хитро и весело посматривала голубыми глазами на своего отца.

Игорь оторвался от стихов и с выражением преодоления невыносимо тяжёлого пути, причём чуть ли не на пике усталости, сделал замечание:

– Лиза, прекрати, наконец, баловаться! Ты полагаешь, будто я не вижу, что ты делаешь?

Девочка живо откинулась на спинку стула, развела тоненькие ручонки в стороны, причём в одной всё ещё сжимая кусок картофеля, и с притворным возмущением воскликнула:

– Папа, я не балуюсь!

Девушки за соседним столиком, услышав диалог отца и дочери, захихикали. Шверцеву было, конечно, неприятно, что приходилось делать замечание дочери при посторонних, но не сделать его он считал непедагогично.

– А то я не вижу все твои кулинарные эксперименты. – И тут словно волна гнева накатила. Он чуть было не кричал: – Да и потом я тебе сто раз говорил: «Нельзя лезть в чужой соус». Когда ты, наконец, поймёшь, что это некрасивый поступок.

Появилось желание постучать костяшками пальцев по детскому лобку, но шёпот за спиной о том, как плохо обращаются с бедным ребёнком, помог в какой-то степени сдержать раздражение.

– Я больше не буду.

Девочка, насупившись, вновь придвинулась к столу и продолжила есть свой картофель, поминутно запивая его коктейлем из высокого белого бумажного стакана.

«Розовое платье. Розовое. Зачем я пытаюсь следовать каким-то надуманным картинкам об девчачьей одежде? Хотя нет! Она же сама это платье выбирала».

Шверцев вновь углубился в книгу, но мысли то и дело возвращались то к дочери, то к тому заведению, в котором они сейчас сидели. За время скитаний и странствий по всему миру очень часто доводилось питаться вот в таких вот, мягко говоря, ресторанах. От этой еды периодически тошнило, а вот Лизе нравилось. Причём нравилось практически всё: и яркие клоуны на стенах, и сытная, хоть и не совсем здоровая еда, и игрушки, покупаемые на месте. В этот раз игрушкой был меховой котёнок, если, конечно, так можно было назвать серого в тёмную полоску уродца со стеклянными чёрными глазами и пластмассовым носом. Девчонка макала мордочку кота в соус, как бы кормя его, а Игорь мечтал о блинах и крошке, которые страстно любил. Но в этом заведении подобное не готовили.

Шушуканье за соседним столиком переместилось в тему шмоток и перестало интересовать. Несмотря на мелькание строчек, мысли цеплялись лишь за отдельные фрагменты:

«...Есть штурман, кок и боцман у меня,

Но нет моей душе покоя.

Как сказано поэтом в древние века:

– Ужель лукавый женский взгляд, – и всё такое...»

«Это, наверное, главный герой думает, как бы и с ним не приключилась катавасия, как и капитаном фрегата, чей экипаж погиб на островах в мольбах, – продолжал думать отец девочки над стихами. – А может, страдал оттого, что делал какие-то дела, но не потому, что душа этого хотела, а ради того, чтоб на него какая-то красotka внимание обратила, а ей, собственно, были по фигу все его стремления...»

«...Фигура друга, женщины на берегу.
– Эй адмирал, отриньте же свою тоску!»

«И опять о женщинах! Интересно, много их было у автора, если он постоянно думает о них. Хотя какое мне до этого дело...»

«И чтоб жена, обняв меня,
Сказала: «Милый, молодец»».

«Вот это действительно верно. Если нашёл рядом свою единственную и неповторимую, то и стоит думать только о ней и искать только её одобрения и поддержки».

– Привет всем!

Худой, заросший чёрной короткой бородой, человек в очках подсел за их столик. Шверцев, вытасченный из ямы раздумий, радостно взглянул на старого друга. Виктор, как всегда, приветливо улыбался, но глаза за толстыми стёклами придавали улыбке выражение какой-то постоянной иронии. Словно их обладатель сейчас примется подшучивать над всем, что видит, и глумится над всем, что движется. Впрочем, по синей форме службы диспетчеров можно было понять всю ответственность и серьёзность души бородатого ухмыляющегося дядьки. Шверцев ощутил сильное рукопожатие твёрдого и решительного человека. А тот уже обращался к его дочери, с которой был давним знакомым:

– И тебе, Елизавета Игоревна, привет! Как дела?

Лиза не придумала ничего лучше, как ответить на приветствие, помахав в воздухе котёнком с перемазанной мордочкой и разбрызгивая в разные стороны капли соуса («Намаюсь я с соусами», – промелькнула мысль у Игоря.):

– Здравсте, дядя Витя! Всё отлично! У меня вот котик.

– Отличный подарок! – поддержал дядя Витя. – Во! Вот такой! – показал он большой палец руки.

– Я принёс тебе хорошую весть: груз одобрен и погружен. И даже пассажиры попутные есть. Часа через полтора, а точнее (тут он посмотрел на ручные часы – как ни странно но Виктор был одним из тех кто носил подобные предметы), один час двадцать семь минут твой «Водовоз» должен стартовать.

– Спасибо, дружище, – Игорь облегчённо вздохнул. – Будет работа – будут деньги, с голоду не умрём.

Бородач оперся на стол и блеснул очередной лукавой искрой из глаз.

– Да ради Бога, обращайтесь ещё!

Хотя, быть может, это блестели в свете ламп стёкла очков.

Виктор поднялся. Следом за ним и Шверцев.

– Лизонька, доченька, ты доела? – «Уси-пуси, какие нежности», – вновь шёпот за спиной. – Быстренько вытирай руки и пошли.

Девочка быстро проделала все операции, не забыв очистить и кота, и выскочила следом за мужчинами из-за стола. Лишь у двери на выход Шверцев оглянулся на стол, но книгу со стихами забирать всё же не стал.

Ушёл.

Пассажиrow на этот раз было немного.

Первой в транспорт прошла девушка примерно двадцати пяти лет. В голубых джинсах (до чего же живучи оказались джинсы как элемент одеяния), белой шерстяном кофте поверх блузки, в узких туфельках на небольшом каблучке. Впрочем, Игорь старался не думать о девушке, именно как о представительнице противоположного пола. В этот момент она была для него лишь пассажиром, которого необходимо доставить в пункт назначения. Конечно, при долгом воздержании он не мог не заметить ни серебристого блеска хорошо уложенных волос, ни мягкого голубоватого макияжа вокруг глаз, ни мягкого розового цвета губ. Однако когда набойки каблучков звонко застучали по палубе коридора, ведущего внутрь «Водовоза», Шверцев полностью переключился на следующего пассажира. Тот был крепкого телосложения, под светло-коричневым пиджаком явственно проступали мускулы, но седоватые усы, морщины на лице, пергаментная кожа рук говорили о том, что сей бравый муж уже давно приближается к собственной старости. Данные о дате рождения в паспорте лишний раз подтверждали это. И всё же Игорю трудно было поверить, что стоящий напротив него человек прожил уже более полувека.

– На всякий случай должен предупредить, что курение на борту транспорта запрещено. – Игорь указал рукой на дымящую едким и довольно-таки неприятным на запах дымом трубку тёмного, видимо, вишнёвого дерева.

Курильщик отреагировал лишь лёгким поднятием густых бровей. Могли быть проблемы, но Игоря они не очень сильно беспокоили. В полёте обязательно предусмотрены остановки на перекуры. Сам Шверцев не только не курил, но и не одобрял этой скверной привычки. Однако проще было пару лишних раз остановиться, чем читать курильщикам бесполезные морали.

При этом мужик постоянно подшучивал над стоящей рядом с ним третьей пассажиркой. Полноватая женщина лет сорока пяти в просторном цветастом платье, в тапках – в одной руке держала билет и паспорт, а другой крепко сжимала грубую верёвку, привязанную вторым концом к рогам пегой козы. Документы и билет на козу также имелись. Игорь подавил в себе желание брезгливо поморщиться и, указав каюту, принадлежащую пассажирке, попросил лишний раз животное из каюты не выпускать. В конце концов, пассажир заплатил деньги и должен получить весь пакет предоставляемых услуг. Придётся принимать его таким, каков он есть, ибо выбирать не приходилось.

Вот с четвёртым пассажиром могли возникнуть серьёзные проблемы. Здоровый (вернее, толстый, но мы смягчим) гражданин был одет, как и предыдущий мужчина, в костюм, но сидящий плохо, как мешок на воздушном шаре. На жирном носу лежали, как контраст со всей фигурой, очки в тонкой металлической оправе. Вот такие, как правило, всем недовольны и всё критикуют. И всё им не так. И действительно: мужчина поминутно что-то бормотал и сопел недовольно под нос. Пилот уже сталкивался с подобными людьми – за свои «кровно заработанные» и заплаченные за билет деньги обычно требуется сервис, подобный перевозке на личном транспорте. Со слугами, отдающими поклоны, и официантами, спешащими исполнить самые причудливые пожелания.

А Лизонька играла рядом в начерченные мелом на бетоне «классики» и периодически спрашивала:

– Пап, мы скоро поедим?

– Скоро, доченька, скоро, – говорил Игорь, просто чтобы успокоить девчачье любопытство.

Когда-то давно жена, когда ещё была вместе с ними, объяснила, что нет никакой необходимости точно отвечать на детские вопросы. Ведь ребёнок, как в данном случае, всё равно не зная, как измеряется время, не поймёт долго ещё ждать или нет.

Шверцеву же предстояло развести всех новых пассажиров по каютам и рассказать где и что находится на «Водовозе», помочь им разместить багаж. Как правило, с багажом проблем не бывает. Да и не стоит привередничать излишне. Ведь «Водовоз» не рейсовый автобус (говорят, раньше ездили такие большие кабины на колесах по дорогам и занимались перевозкой пассажиров), а грузовой транспорт. Да он был спроектирован для перевозки нескольких людей. Но предполагалось, что этими людьми будут члены команды и сопровождающие грузчики. Но грузчики и ремонтники были каждые в своём грузовом порту. А напарника Игорь взять не мог. Вот и радовался он каждому пассажиру. И пассажир должен быть доволен, ибо переезд на «Водовозе» всегда в три-четыре раза дешевле пассажирского транспорта. Да и следует грузовик по свободной траектории. Вернее, по заданной фрахтом, но какова она, это заранее неизвестно. Потому попутчики подбираются перед каждой поездкой совершенно внепланово. На станции объявляется маршрут за два-три дня до начала отправления, и пассажир смотрит, удобно ему это или нет, и уже сам принимает решение ехать с этим транспортом или нет.

Так что с багажом проблем не возникло. Почти. Дед по паспорту, но в душе явно молодой, представившись Фёдором Михалычем, втащил свою спортивную сумку сам без лишних слов. После Игорь помог перенести два чемодана девушке. Грузный гражданин просто-таки потребовал, чтобы его чемодан на колёсиках пилот даже не докатил до каюты, а донёс. Он мотивировал это тем, что Шверцев может случайно сломать колёсики. А надо заметить, что чемодан этого гражданина был весьма потёрт. Как говорят, «видал виды». Но колёсики в действительности вряд ли могли бы сломаться, ибо должны быть рассчитаны на подобную перевозку, да и потом до сих пор ведь они не сломались. Причин поступать в этот раз как-то иначе у них не было. Если специально не бить чемоданом об пол. На всё это наш герой лишь заметил, что он грузчиком не является и рекомендовал толстяку самому довести, или уж донести – как тому будет удобнее, свой багаж до каюты. После чего, оставив возмущённого пассажира в коридоре, пошёл разбираться с Кларой Ивановной. Той женщиной, с которой пытался шутить бойкий дедок. Та настаивала на том, чтобы козе выделили отдельную каюту. Но это не входило в планы Игоря. Тетка, конечно же, заверяла, что «сама будет прибираться за Анжелочкой». И говорила, что Анжелочка (вот выдумала имя для козы) «очень чистоплотна, как ангельчик». Но Игорь знал, что впусив козу в соседнюю каюту, он потом будет убирать её сам, а женщина различными экивоками будет отверчиваться от своих обещаний. Если не знал наверняка, то интуицией он это чувствовал. И настоял на своём.

В коридоре вышла небольшая заминка. Грузный мужчина стоял и ждал, пока пилот всё же сообразовит отнести его вещи. А Шверцев, помогая Кларе Ивановне тащить упирающееся животное в каюту, наоборот, случайно, идя вперёд спиной, опрокинул его чемодан на палубу. Со словами «Ужас просто, а не сервис» сердитый гражданин подхватил свои вещи и спрятался в своей каюте. Наконец и коза вместе с хозяйкой также были размещены.

Предстояло проверить груз, и можно было отправляться в путь.

Дочка, привыкшая к процедурам отправления, играла возле входного люка. Когда её отец показался на улице, она тут же спросила:

– Папа, а мы уже едем? – причём вопрос был задан, скорее, для того, чтобы просто пообщаться. Чтобы не скучать.

– Да. Почти. Сейчас груз проверю, как закреплён, и двинемся.

Впрочем, проверять крепёж особой необходимости не было. На этой станции работали сплошные немцы. Как правило, они делали всё качественно, но многолетняя привычка проверять всё самому заставляла Игоря осматривать крепёж.

Но вот вскоре всё было готово. До отправления оставалось минут десять.

– Папа, а мы что, уже едем? – дочкин вопрос вывел пилота из задумчивого состояния. Тот посмотрел зачем-то на небо, потом на ребёнка и, улыбнувшись, сказал:

– Да. Иди садись на своё место.

Лизка сорвалась с места, розовое платье быстро мелькнуло в воздухе, и, забравшись в «Водовоз», застучала босоножками по палубе, стремясь в салон управления. Следом за ней последовал и Игорь.

Фотография молодой женщины, вставленная в рамку чёрной приборной панели, была видна фактически только с пилотского кресла. Игорь специально приделал рамку таким образом, да при этом наладил особым образом крышечку, чтобы в случае необходимости совсем скрыть фото от глаз посторонних...

Как и множество других подобных экспериментов этот так же обещал стать грандиозным. Но он стал не только грандиозным, но и ужасающим. Многие века и столетия, люди разных категорий – учёные, поэты, философы, предприниматели – пытались понять, что есть время. Люди понимали ширину и высоту, длину и глубину. А что есть время? Что это течёт мимо них и не даётся им в руки? Как некоторые умудряются его опередить, и как почти все рано или поздно начинают от него отставать, а иной раз и выпадают совсем? Почему время можно измерить, но нельзя пощупать? Тысячи и миллионы вопросов блуждали в головах, текли мыслями, будоражили воображение. Мысли передавались на бумагу, обретали очертания, складывались в единую систему.

Созданный рядом стран научно-исследовательский институт, заключённый в недра громадного шара из стекла и металлоконструкций, долго занимался изучением вопроса управления временем. Постепенно, по крупицам логики и результатам множеств экспериментов верный путь был найден. В отдельно взятых лабораториях сотрудники института могли останавливать или ускорять время, независимо от того, как оно текло за пределами этих лабораторий. Но все опыты проводились над неодушевлёнными механизмами и животными. Причём то, над чем проводили эксперимент, должно было обязательно двигаться, а как ещё понять, что время внутри течёт иначе, чем снаружи. Впрочем, под движением должно было понимать не только перемещение в пространстве. Диффузия, изменение цвета, рост – всё это создавало результаты тех или иных опытов. Картины порой были очень интересные. Ведь забавно видеть как животное, допустим, это собака, медленно, очень медленно, подходит к миске и медленно же начинает лакать из неё воду. А брызги с её пасти с той же неспешностью разлетаются, вернее, грациозно расплываются вокруг миски. Длинная рыжая шерсть лохматыми волнами медленно колыхалась в пространстве, когда псина встряхивалась после душа. Время замедлено, и движения становятся растянутыми. Или та же собака носится по комнате как угорелая с немыслимой скоростью в тот момент, когда время в лаборатории, где она находится, запущено быстрее, чем обычно. Но случались и прецеденты: один раз время ускорили так быстро, что подопытный кролик, милое серое созданище с забавным пушистым хвостиком, состарился, умер и протух за считанные секунды. Уже тогда стоило вспомнить Мартовского Зайца и Болванщика. Вспомнить о том сказочном предостережении, что время может и обидеться. Но человек не хочет верить предостережениям – он хочет двигаться вперёд.

Всё были опыты над животными. А надо было понять, как возможность управления временем влияет на людей. Надо было описать процесс изнутри, познать, не повредит ли изменение времени испытуемому. И только люди, прошедшие через подобные опыты, могли бы с уверенностью сказать, что безопасно, а что нет. Знать это было необходимо по многим причинам. Ведь поместив, скажем, больного в подобную камеру, можно замедлить время, и он дождётся, пока смогут собрать средства на лечение, а болезнь за это время не будет прогрессировать.

Ведь ему внутри будет казаться, что прошло не более, скажем, минут десяти, а во внешнем мире пройдёт и год, и два, да сколько будет нужно. Это лишь один из примеров необходимости, а были и ещё разные идеи. Некие остряки даже предложили замедлить внутри время, когда двое будут целоваться, а снаружи зафиксировать всё, как рекорд самого долгого поцелуя.

В пылу споров и тихих обсуждений было принято, наконец решение об опыте над людьми. Разумеется, это должны были быть добровольцы. Пять мужчин и четыре женщины (пятая испытуемая в последний момент отказалась, а подготовить, как психологически, так и профессионально следующую кандидатуру не было уже возможности) зашли в лабораторную комнату. Каждому из членов эксперимента присоединили датчики, чтобы следить за их состоянием, после чего все остальные покинули помещение. Эксперимент начался. Памятуя о произошедшем с кроликом, время внутри лаборатории решено было пустить медленнее. Таким образом, по условиям эксперимента, внутри должно было пройти всего три часа, а во внешнем мире пять суток.

Одна из стен лаборатории была сделана сплошь стеклянной, и можно было видеть всё происходящее внутри. И напротив стекла на стену повесить часы и секундомер, отмеряющий длительность эксперимента внутри, для наблюдения. Причём и все приборы, измеряющие время, были представлены в разных вариантах: механические, электронные – попутно проверялась разница в их работе.

И каков был ужас тех, кто находился снаружи, когда в расчётное время секунды на секундомере и на часах внутреннего мирка не изменились. Никто не мог понять, что происходит. А люди внутри комнаты, молча и неподвижно сидя в своих креслах, в упор смотрели на тех, кто пытался понять, что же происходит. Все засуетились и нервозно стали проверять показания приборов, но всё протекало в обычном режиме. И только спустя четыре часа часть кристаллов дисплея электронного секундомера стала медленно гаснуть, а другие стали загораться. Тонкая стрелка механических плавно переползла на новое деление. Внутри прошла всего одна секунда. Ясно стало всё, и многие тут же просчитали длительность эксперимента. Он должен был закончиться через пять лет. И никто не знал, что произойдёт с людьми внутри, если его прервать досрочно. Были различные предположения, рассматривались тестовые прерывания прочих экспериментов, проводимыми над животными. Вроде бы всё должно было быть в порядке. Но остановить начатое так никто и не решился...

Игорю и Лизоньке было разрешено посещать институт и приходиться наблюдать за тем, что происходит за стеклянной стеной. К тому моменту, как они смогли получить доступ в лабораторию, люди внутри уже совершили некоторые движения. Впрочем, все они вглядывались в окно изнутри, кто-то даже показывал пальцем. Должно быть, им виделись мелькающие образы за стеклом, мелькающие слишком быстро для того, чтобы понять, что же всё-таки происходит. И людей внутри это смущало, если не настораживало. Теоретически они должны были видеть всё несколько медленнее. Впрочем, возможно, что им виделась всего лишь цветная переливающаяся муть. Ибо человеческий глаз мог и не успевать за скоростью движений за стеклом. В первое же посещение Лизонька, увидев женщину с фотографии, что была прикреплена к пульта управления «Водовоза», увидев свою мать, сидящую совершенно неподвижно и никак не реагирующую на её появление, бросилась к стеклянной стене и стала бить по ней ладонями. Она кричала во всё горло: «Мама, мама, мамочка!» И несколько секунд все вокруг стояли в полном оцепенении, не зная, что предпринять. А маленькая девочка всё плакала, зовя свою драгоценную мамочку. Истеричные крики пугающе разносились по коридорам. И люди вокруг лаборатории в изумлении и нерешительности останавливались и пытались понять, откуда идёт крик ребёнка. Наконец, Игорь опомнился и, схватив свою дочь, выскочил в коридор. Лиза ещё какое-то время билась в его руках, но вскоре затихла и, обняв его, лишь тихонько всхлипывала, приговаривая: «Мама, мама, мамочка». Женщина за стеклом в быстром мельтешении, скорее всего, за время эксперимента свою дочь могла и разобрать.

С тех пор минуло два с половиной года. Игорь посещал лабораторию в одиночестве, просто для того, чтоб убедиться, что его жена жива, и всё протекает, как и прежде.

Периодически, сидя в кресле за спиной учёных и лаборантов, контролирующих процесс, и глядя в любимые глаза, Шверцев чувствовал, как на него волной накатывали воспоминания о прошлом. Почему-то самым ярким из них было о том, как поздней зимней ночью, когда они, живя на съёмной квартире, уложили новорождённую Лизочку спать, а сами тем временем пили чай. Тогда, во время беседы, Софья, обладая более острым слухом, вдруг вся как-то напряглась и прислушалась. Игорь тоже насторожился. Из коридора послышался лёгкий звон бубенцов. Кто-то или что-то приближалось к ним из темноты.

– Кот!

Жена, подскочив со стула, кинулась к худому полосатому животному. Оно вошло в комнату совершенно спокойным шагом («Как к себе домой», – промелькнула в голове Шверцева мысль.) и направлялось, к шкафу с книгами. Но было поймано.

– Это, наверное, соседский кошок?

– И что теперь? Шастать по нашему коридору? И как он к нам попал? – возмущению возлюбленной не было предела.

И Софья недолго думая прошла к выходной двери, отперла её и вышвырнула бедную, ничего не понимающую животину на лестничную площадку. Печально звякнул бубенчик, но закрывшая дверь не пропустила мявкающего кота обратно в квартиру.

Чуть позже они поняли, что пушистый зверюга забрался к ним с козырька подъезда через кухонное окно, так как окно квартиры, где он обитал и куда он обычно запрыгивал, оказалось на тот момент запертым. Видимо, хозяйева просто забыли про своего питомца.

Всплывали в голове Шверцева и другие воспоминания, но это почему-то было самым дорогим. Обручальное кольцо с пальца он давно уже снял. Так задавали меньше вопросов, думая, что мать девочки просто умерла и, считая Игоря вдовцом, стеснялись лишний раз любопытствовать. А Лизонька иногда грустила по маме, но ждала, что та вот-вот вернётся домой, и всё будет хорошо. Лишь иногда она, просыпаясь от какого-то ночного кошмара, плакала лёжа в кровати, причитая: «Мама, мамочка, мама».

«Водовоз» уже два часа шёл над трассой, руководствуясь командами автопилота. Эта часть дороги была одной из наиболее скучных. Впрочем, это была не дорога. Грузовозам на антимагнитных подушках не нужны были дороги, для того чтобы преодолевать расстояния. Они мягко парили над землёй. Но для улучшения их управления, в некоторых местах земной поверхности были установлены так называемые маяки. Небольшие передатчики, напоминающие буи на море. Сигналы от передатчика поступали на транспорт, и автоматика автопилота вела «Водовоз» по размеченному маршруту. Правда, пилоты вынуждены были оплачивать ремонт и обслуживание передатчиков. Но, с другой стороны, не было излишней неразберихи и столкновений на станциях, поскольку маяки регулировали движение и заходы на посадку. Стоило одному транспорту задержаться, и все идущие за ним так же мгновенно прекращали движение, удерживаемые соответствующими сигналами маяков.

На этом отрезке пути траектория движения пролегла через городские кварталы, и маяки вели «Водовоз», не давая ему задевать здания города.

Игорь, изредка поглядывая на дорогу и вверяя себя, пассажиров и груз автопилоту, листал страницы одного из сайтов Галаксинета. Он уже сто лет не держал в руках реальной осязаемой бумажной газеты, но за новостями иногда всё же заходил на сайты того или иного издательства. Правда, он понял, что порой за призывными и броскими заголовками не скрывается ничего нового. Всё-таки Соломон правильно говорил: «Что было, то и будет; и что

делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но было уже в веках, бывших прежде нас». И действительно все, что он читал в новостях где-то, с кем-то уже было в тех новостях, о которых он читал в газетах лет десять назад. Люди и места действий поменялись. Сами события остались прежними. Но вот за последнее время всё чаще и чаще стали мелькать заголовки о событиях, связанных с деятельностью генерала Ло. Вот этими событиями Игорь живо интересовался. Всё-таки, как-никак, бывшие соратники. И приходил ему на память их разговор у Игоря дома.

Тогда ещё не генерал, а обычный пилот-разведчик космофлота Земли Александр Ло пришёл к нему с предложением о работе. Его невысокая, но коренастая фигура в брюках и таком же кожаном жилете, который был сейчас на Игоре, восседала величаво в кресле-качалке и вещала:

– Ну вот ты подумай сам – сколько выгод! Деньги, слава, женщины! Периферии звёздных систем постоянно враждуют между собой, а мы будем наниматься защищать их. Я взял кредит и построил самый современный боевой звездолёт. Практически линейный корабль космоса. Ты только представь: носовые лазерные пушки крупного калибра, две мощных ракетных турели и каждая ракета способна разнести вдребезги небольшой крейсер (представляешь, что будет, достигни все ракеты своей цели разом), по семнадцати лазерных установок с каждого борта. И ещё учти, что это по сути дела авианосец. Он может принимать на верхней (конечно же, в космосе условно верхней) палубе до пяти истребителей поддержки. Я набрал их девять. Пусть сопровождают звездолёт посменно. И это не те скорлупки-трансформеры, на которых мы вели разведку пятнадцать-двадцать лет назад. Это как шершни, способные заставить от страха отступить кого угодно.

– Способно заставить что либо только мужество и бесстрашие пилота. Сама железяка мертва и ни на что не способна, – отвечивал фигуре хозяин дома.

Александр радостно аж подпрыгнул оттого, что его друг всё верно понимает.

– Вот именно, *вот и-ме-н-но!* – отчеканил он – Потому я и зову тебя. С твоим опытом пилота космических истребителей ты просто незаменим.

Игорь задумался. Ему давно уже хотелось снова в космос. Но...

– Я не могу. У меня есть дочь. И мне надо о ней позаботиться. Если бы мамочка была бы сейчас рядом, я бы ещё и подумал над твоим предложением. А так тут даже думать не о чем. Есть ответственность и обязанности. Я и так-то боюсь, что с ней будет, если, не приведи Господь, помру. Как она дальше и куда без меня?

– А ты отдай её в детский дом. Я вот своего Андрюшку туда отдал, и хорошо. Там его покормят и выучат.

Игоря как-то покорило всё, сказанное его другом. Он в изумлении глянул на Ло и переспросил, словно ослышался:

– Ты отдал своего сына в детский дом?

– Ну да! – весело ответил Александр.

– Но как же забота о ребёнке? Воспитание его? Как он вырастет мужиком без отца?

– А я потом, когда добьюсь того, к чему стремлюсь, вернусь за ним.

– И лишишь его детства с родителями.

– Вот только не надо передёргивать, – Александр чуть повысил тон. – Детство у него будет. Ведь пройдя через детский дом, он станет более приспособлен к жизни.

– Как он будет приспособлен? Кто ему поможет? Кому там есть дело до него среди других деток.

Александра явно переставала радовать тематика разговора, и он постарался переключиться на прежнюю тему. Он наклонился к уху Игоря и заговорщицки зашептал, словно ищущая своего собеседника:

– Ты подумай, от чего ты отказываешься. Мы же можем достигнуть самых окраин космоса, все границы вселенной будут нам доступны.

– У космоса нет краёв, а вселенная не имеет границ.

– Не придирайся к словам, ты понял, что я имею в виду. Ну? Последний раз тебя спрашиваю: полетишь ты со мной или так и будешь сидеть здесь, привязанный к своей «доченьке», – Александр уже был раздражен отказом и перешёл на откровенный сарказм, который чувствовался в его интонациях. Он поднялся из-за стола и с высоты своего небольшого роста смотрел на своего собеседника.

Игорь будто и не думал о нём. Сидел, задумчиво переплетая пальцы рук, и смотрел прямо перед собой. Наконец он ответил:

– Нет. Я не пойду с тобой. После того, как ты поступил со своим сыном, я вообще не знаю, можно ли тебе доверять...

– Ну как знаешь.

В общем-то, Ло имел право поступить так, как поступил. Раз закон позволял, значит, право имел. И сомнения лезли в голову, разрывая мозг до боли в ушах.

После этого разговора Игорю иногда хотелось сесть в углу и заплакать с тоски. Или выключить весь свет в рубке и никого не видеть и не слышать. И плакать. Да. Конечно. Мужчины не плачут. Но ведь мало кто знает, что они способны рыдать. Рыдать во весь голос. От собственного бессилия что-либо изменить. Понятно, что все эмоции преходящи, и завтра забрезжит выход из ситуации или полное примирение с ней. Но что делать сейчас, совершенно не понятно. И не правда, что сильные мужчины не плачут. Просто они этого никогда не показывают. Впрочем, Игорь уже давно не считал себя сильным. Скорее, обречённым на поражение. Хотя ситуацию, в которой он находился, ни в коей мере нельзя было назвать поражением. Жена здорова, хоть и заточена в лабораторном коконе. С дочкой тоже всё в порядке. Но вот он сидит, привязанный к своему транспорту, привязанный к ситуации, которую не в силах изменить. Может, Ло был всё-таки прав? Может, стоило махнуть на всё рукой и вырваться на большом корабле к звёздам? Ведь на его маленьком транспорте никогда не будет ни больших денег, ни громкой славы. Слава и деньги. Хотелось ли их Игорю? Да. Безусловно. Но так же реально он представлял, что не сможет не думать о тех, кого оставит на Земле. И приходилось выбирать это жалкое существование человека, доживающего до собственной смерти. Прочитанный вагон романтических книг давно переехал его своими колёсами, заставив мыслить умными фразочками главных героев. Но ведь не быть ему главным героем романа или даже маленькой повести. Ни подвигов, ни побед, ни фанфар. После прочитанных произведений всегда появлялось желание творить что-то для людей (и, конечно же, ожидать за это награды и славы), но, видимо, он выбрал не ту профессию. Надо было стать спасателем или врачом. Вот те, кто действительно сделали подвиг своей профессией. А ему достался лишь удел грузоперевозок. Кстати, о героях романов: Игорь давно уже заметил, что почти у каждого героя есть какой-то особый талант, данный ему автором произведения. Или деньги. Или связи. Или прошлое, которое наталкивает героя на путь приключений и, впоследствии, подвигов. Например, у Ремарка Игорь замечал наделение героев какими-то жизненными козырями: или хороший и востребованный автогонщик, или отличный хирург, или имеет навыки работы с автомобилями в плане ремонта последних, или есть какой-то, пусть и незначительный, но, по сравнению с сопутствующими персонажами, довольно-таки большой капитал. Впрочем, Игорь и сам был хорошим звёздным пилотом. То есть и у него был свой маленький козырь. Но вот воспользоваться он им не мог. Не мог из-за любви к жене, к дочери. Но обвинять тех, кого любишь, невозможно – только и оставалось сравнивать себя литературными героями и говорить, что последним в чём-то повезло, и считать книги не совсем честными. Ещё странная мысль иногда беспокоила Игоря: почему так мало произведений, где главный герой был бы не один, а со своей семьёй. Почему нет книг, где семьями проходят через какие-то испытания и умудряются преодолеть все невзгоды. «Слишком сложно спланировать сюжетные линии многих персонажей», – сказала Игорю одна знакомая барышня, пишущая сценарии для детских передач. Но ведь у Гюго

в «Отверженных» и в «1793-м» получилось вести несколько линий, и вполне успешно. Впрочем, вполне возможно, такие книги есть, и много, просто Игорю они пока не попадались на глаза.

Впрочем, вместо книг в последнее у него были новости о громких победах и успехах теперь уже генерала Ло. Деньги, слава, женщины – всё было доступно последнему.

Незадолго до ужина произошёл маленький инцидент.

В салоне управления на случай общения команды в полёте и перевозки пассажиров были установлены два ряда кресел. По четыре с каждой стороны пилотского кресла. Те, что были по левую руку от него, Игорь полностью демонтировал. На их месте установил небольшое креслице для дочери и столик, на котором она могла бы кушать или рисовать, или играть в игрушки. В общем, чем-то могла занять себя во время прохождения маршрута.

Полный, постоянно вытирающий своё мокрое от пота лицо платком, пассажир вошёл в салон, огляделся по сторонам и, глядя на Лизкин столик, недовольно обратился к Шверцеву:

– А почему вы не поставили или не приделали столики на манер откидных здесь, в салоне? Ну вот чтобы человек мог поесть, сидя в кресле.

Игорь выругался про себя. И вот так каждый раз: объясняй не объясняй, читай инструкцию, не читай, всё одно будут претензии и, причём самые не обоснованные.

– По правилам перелётов, – сухим голосом начал он, – для поглощения пищи во время полёта вы должны находиться в своей каюте.

– А если мне захочется поесть в компании приятных собеседников. А я, знаете ли, очень люблю поесть в компании приятных собеседников, – не унимался толстяк.

– Можете пригласить к себе в каюту ваших «приятных собеседников» или поесть в их компании в ресторане или кафе на остановке.

– Каюта весьма тесна, знаете ли, – брюзжал пассажир.

– Ну тогда, конечно же, остаётся только ресторан или там, скажем, кафе, – разводя руками, улыбнулся Игорь, пытаясь хоть как-то смягчить обстановку.

– Тоже мне, сервис, – поморщился мужчина.

Пилот понимал, что в такой ситуации нужно спокойно сидеть и никак не реагировать на подобные фразы, но хотелось пойти к себе, взять с полки какую-нибудь стеклянную хрень и разбить её об голову толстяка. А тот, в очередной раз вытерев лицо, решил-таки добить его:

– В конце концов, вы поймите, что не мы для вас, а вы для нас...

– Зачем вы так говорите? – раздался голос справа от кресла пилота. И Игорь с удивлением увидел девушку, сидящую в крайнем у окна кресле второго ряда. Она с негодованием смотрела на недовольного пассажира. Видимо, она тихо вошла в салон, когда Игорь, увлечённый дорогой, был погружен в свои мысли, и села, чтобы понаблюдать за проносящимся за окном окрестностями.

– Не надо так говорить, – вновь начала она. – Это вообще неприлично. Тут никто ни для кого: человек просто выполняет свою работу. Вас же предупреждали об условиях полёта?

– Всякая мне тут будет... – начал было заводиться вновь толстяк, но, видимо, поняв, что перегибает палку, развернулся и скрылся в коридоре.

Игорь повернулся к пассажирке.

– Спасибо.

Она, смотря прямо перед собой, едва заметно кивнула.

– Как вас зовут?

Девушка, кокетливо скосив на него свой взгляд, улыбнулась и проговорила:

– Соня.

– А зачем вы это сделали?

Девушка ещё раз улыбнулась и приоткрыла свои прелестные губки для того, чтобы ответить, но им помешали.

Толстяк, словно мешок муки, ввалился вновь в салон, да не один. Следом за ним показалась Клара Ивановна. Они долго, перебивая друг друга, вещали, что-то о козьих шариках, об антисанитарии на борту и о том, что «Анжелочка сущий ангелочек, а умна-то как. И не из бодливых». Игорю ничего не оставалось делать, как остановить «Водовоз» и идти разбирать конфликт.

Поломка на трассе – это всегда неприятно. Только что ты двигался по маршруту. Всё было хорошо или не очень, но ты двигался. Цель была всё ближе и ближе. И тут что-то ломается. Досада – вот первое чувство, которое появляется в этот момент. И бесполезно гадать, почему сейчас, а не час назад возле станции техобслуживания или пятью часами ранее у магазина, где запасались водой и провизией. Там и мастера были рядом, и другие дальнбойщики. Всегда можно было получить совет, инструмент и помощь. А сейчас всё сам. Какого ж рожна именно в этот момент? Нет ответа. И дождь льёт как из ведра. Назло, что ли? Точно. Назло. И никаких в том сомнений. Теперь придётся вылезать наружу, ремонтировать двигатель и мокнуть. Причём «мокнуть» – самое неприятное из всех злоключений, обрушивающихся в этот момент. «Ведь вымокну, стопудово вымокну с головы до пят», – думал Шверцев. Можно было, конечно, подождать и до утра. Понадеяться на то, что с утра тучи разойдутся и выглянет согревающее светило. При оном возиться с ремонтом будет легче. Но время. Время, оно уйдёт безвозвратно. Это четвертое измерение гонит нас вперёд, не давая порой ни роздыху, ни вздоху. Не даёт расслабиться. И приходится штурмовать крепости, сжигать за собой мосты, срывать в омут и носиться по коридорам на вызовы начальства вместо того, чтобы попросить время подождать, сесть и спокойно всё обдумать. Обмыслить ситуацию Игорь, конечно же, попытался. По всему выходило, что надо брать ящик с инструментами и лезть к машинному люку. Именно там бортовой компьютер и определил поломку. Плёвая, пустяковая, но поломка. И дождь. И темнота. Однако если её исправить, то можно успеть к рассвету преодолеть оставшиеся триста пятьдесят километров до города с заправкой и столовой. Он даже успеет вздремнуть перед дальнейшим полётом.

Несколько минут Игорь, сидя в кресле и наблюдая за потоками воды, бегущими по лобовому стеклу, размышлял над тем, брать ему куртку или нет. В такой ливень она вряд ли поможет. Но, может, хоть на время сдержит проникновение ледяной влаги под одежду. Всё же, собравшись с духом, пилот поднялся и направился к выходу. Свет от подпотолочных ламп, зажигаемых поочередно датчиками движения, провожал его до самого выходного люка. Наружный аварийный фонарь превратил невидимые нити дождя в яркие прозрачные иглы, пробивающие пространство вокруг транспорта.

Шверцев, осторожно поднимаясь по мокрой лестнице из скоб, прижимал к себе одной рукой ящик с инструментом, боясь уронить. Карабкаться пришлось чуть ли не на самую крышу. Именно возле неё и находился люк с неисправным узлом. Ящик потихоньку стукнул о поверхность «Водовоза», и Игорь, достав инструмент, принялся копать в открытом механизме. Люк тихонько скрипел под ветром слегка проржавевшими петлями, и капли с небес барабанили по крыше, так же, как и барабанили по всем крышам мира тысячи лет до этого. Цепляясь одной рукой за скобу, а другой копошась отвёрткой в узле, Шверцев чувствовал себя хирургом, работающим в сложных полевых условиях во время боя. Делать надо было всё очень осторожно, приходилось иной раз и положив инструмент, перехватить руку на скобе и дать передохнуть другой. Время шло. Вот уже вода стала проникать за воротник, но, слава Богу, всё

закончилось – механический друг отремонтирован (мягкий гудок встроенного в узел динамика известил об этом) и можно вернуться внутрь.

Игорь захлопнул люк, но от сильной вибрации ключ выскочил из замка и упал вниз, в мокрую траву.

– Блин!

Надо было лезть за ним. Хорошо хоть снова подниматься не придётся: люк защёлкивался автоматически.

Всё так же осторожно держа ящик (не приведи Господь уронить и его), Игорь принялся спускаться. По пути поставил инструменты внутрь транспорта.

Как это ни было странно, но как только подошвы ботинок коснулись сырой травы, прекратился дождь и ветер стих. Словно их выключили. «Мистика!» – промелькнувшая мысль чуть развеселила. Нагнувшись и пытаясь не заслонять собой яркий свет фонаря, Шверцев шарил рукой. Ключа не было. Его не было нигде под лестницей, хотя пилот обшарил всю поверхность земли в радиусе полутора метров.

– М-м-м-м-м-м-да... – выпрямившись, осмотрелся.

Редкий кустарник, невысокие тёмные деревца, торчавшие из стеблей зелёного земного покрова, напоминали в отсутствии ветра, вырезанные из камня причудливые статуи мохнатых ежей. Не колючих, а именно мохнатых. В меру добродушных, в меру агрессивных.

Надо было что-то делать. Стоять в полупромокшей одежде становилось холодно. На секунду в воздухе промелькнула тень, и вот уже Натали мягко приземлилась рядом с ногами. Подняла одну лапу, отряхнула её от капель дождя и переступила. Вторую. Ещё шаг. Кошка двигалась медленно, целенаправленно устремившись к ближайшему кусту не то боярышника, не то калины. Игорь плохо разбирался в ботанике, да и при свете одного фонаря трудно было понять, что это за растение. Дойдя до кустарника, Натали обернулась и посмотрела на хозяина. «Зовёт», – шорох травы мягко зазвучал под ногами. Тем временем кошка, увидев, что Игорь понял её, спокойно затрусила обратно, словно показывая, что она де свою миссию выполнила и может быть свободна.

Игорь подошёл к кустарнику. Ни спелые красные ягоды, ни огромные дождевые капли, свисающие с кончиков листьев и блестящие в свете диодной лампы транспорта, не привлекли его внимание. В траве у самых корней лежал скелет. Натуральный. Во весь рост. В каких-то лохмотьях, напоминавших мундир, и без обуви. Абсолютно белый. Белый до неестественности. Словно какой-то подвох таился в том, что он здесь лежал. Словно он вот-вот должен был встать. В его костяной кисти был зажат искомый ключ – наклонись за ним, и будешь немедленно схвачен цепкой мёртвой рукой. «В общем-то, на борту есть запасной», – вспомнил Игорь и медленно попятился. Снова поднимался ветер. Шверцев продолжал пятиться, не смея отвести взгляд от того места, где лежали чьи-то останки. «Ежи» зашевелились, и уже ни в коей мере не казались дружелюбными. Спина упёрлась в холодный металл борта. От неожиданности пилот закрыл глаза, но тут же открыл, боясь, что пока он не смотрит, скелет встанет и бросится на него. Вдруг резко развернувшись, Игорь ухватился за скобу. Громкий стук ботинок о ступени перекрывал свист ветра за спиной.

Пулей влетев внутрь «Водовоза», Шверцев закупорил люк наружу. Сырой, дрожащий от холода он смотрел на дверь, и нервы его успокаивались. Всё же он был дома, а свой дом – крепость. И всё же он долго, не отрываясь, смотрел на покрытую серой краской поверхность, отделяющую его от внешнего мира. «В кино видел, да не в одном. Как за спиной у главного героя появляется маленькая девочка. Как правило, в каком-нибудь трагичном. Появляется девочка, и происходит нечто ужасное. Вот я сейчас обернусь, а моя дочь стоит у меня за спиной». Шверцев, всё ещё чего-то боясь, аккуратно повернулся в коридор. Прямо перед ним, одетая в свою любимую ночную пижаму, стояла Лиза. Стояла и спокойно смотрела на отца, ничего не говоря и шурясь спросонья от ярких ламп. «Ой, она же проснётся окончательно и до утра будет коло-

бродить – не уложишь её потом», – с этой ясной и чёткой мыслью Игорь схватил дочь в охапку и кинулся в свою каюту. Не раздеваясь и не включая освещения, он осторожно уложил девочку в кровать, прикрыл одеялом и стал нежно гладить по голове. Через минуту-другую Лиза снова спала.

Сквозь оставленную открытой дверь в коридор пролезла козья морда. Причём морда, глядя выпученными глазами, совершенно безмятежно и безразлично жевала жвачку, как будто стоять в коридорах транспортов для неё было самым естественным делом, заложенным самой природой. Опять хозяйка её забыла запереть своей каюте, и эта самая козья морда вместе с козым туловищем на козых же ногах вышла прогуляться в коридор.

Игорь устало посмотрел на неё и вдруг улыбнулся:

– Ну, спасибо, что пришла проведать нас, животная.

Утром идти в кафе завтракать Лизонька отказалась.

Игорь нашёл её в салоне, сидящую за столиком. Большая пиала с вкусно пахнущей малиной и большая кружка молока, что стояли перед Лизой на столике, вполне устраивали последнюю. А рядом возвышалась всем своим здоровым, облачённым в цветастое платье, телом Клавдия Ивановна. Глядя на кушавшего ребёнка, женщина умилённо улыбалась. Завидя Шверцева, она радостно сказала:

– Здравствуйте. А я вот решила молочка ей козьего дать. Оно самое полезное. И варенье тоже хорошо. Витамины оно даёт.

– Здравствуйте. – Отец девочки был смущён сим добрым поступком, но в то же время и немного насторожен. Редко кто из пассажиров проявлял подобное радушие. – Спасибо вам большое. Сколько я вам должен?

– Ой, да ну что вы! Ничего вы мне не должны, Господь с вами! – всплеснула руками женщина. – Я ведь страсть как деток люблю. Сама троих выносила, родила и вырастила. И всех, когда маленькие были, козьем молоком поила. Здоровые детки выросли да добрые.

– И что? Неужели это всё Анжелочка давала? – засомневался Игорь.

– Нет. Ну, конечно же, нет. – Клавдия Ивановна даже рассмеялась. – Козы так долго не живут. Это я Анжелочку везу старшенькой своей. Сына она ждёт. Или дочь. Да кого Бог нам пошлёт, тому и рады будем.

Лиза оторвалась от еды и, подняв вверх личико с перемазанными малиновым вареньем щеками, проговорила:

– Папа, я в кафе не пойду. Я уже ем.

Шверцев улыбнулся:

– И как? Вкусно?

– Да. Очень.

И Лизонька снова вернулась к своей не мудрёной, но питательной трапезе.

Клавдия Ивановна смотрела на Игоря.

– Да вы идите, кушайте, а я присмотрю за девочкой-то вашей, не беспокойтесь, – предложила она ему.

– Ещё раз спасибо вам большое.

Женщина добродушно, с улыбкой, махнула рукой.

– Да не за что. Идите-идите.

При выходе из «Водовоза» Шверцев увидел козу. Та была привязана к кольшку, воткнутому в землю, и паслась. Когда тварь божья подняла голову, то Игорю показалось, что её глаза смотрят на него с сочувствием и пониманием. Игорь, сердито нахмурясь и пробормотав: «Вот ещё этого не хватало», – направился к забегаловке, стоявшей недалеко от места посадки.

Не доходя до пункта общественного питания, он вдруг вспомнил, что кто-то очень давно говорил ему, что у коз бывает молоко, только когда рождаются козлятки. «Интересно, где же они?» – мелькнула мысль в его голове. Но тут же и покинула.

В кафе он заказал себе омлет, чай и бутерброд с колбасой. Невесть какой завтрак, но сытно и до обеда хватит. Принеся поднос с едой на один из свободных столиков, пилот «Водовоза» задумчиво посмотрел в окно.

Вдруг сильный удар по плечу вернул его из раздумий обратно на грешную землю. Здоровенный мужик, после того как дружески хлопнул Игоря по плечу, поставил свой поднос рядом с ним, сел и радостно чуть ли не орал:

– Здорово, Игоряша! Сколько лет, сколько зим! Ну что, не узнаёшь?

– Ну почему? Узнаю. Борис Конделов.

– Точно. – Борис откинулся самодовольно на спинку стула и тут же вновь нагнулся к столу. – Слушай, да ты будто не рад меня видеть?

– Рад, – вяло проговорил Игорь, – просто не ожидал тебя увидеть, да и не выспался я сегодня.

– А! Оно и видно. Слушай, братан, у нас такие дела творятся...

И, уплетая свой завтрак за обе щеки, здоровяк в светлом сером костюме принялся рассказывать, что с ним происходило, немало не заботясь о том, интересно это его собеседнику или нет.

Но в глазах Игоря, как словно из тумана, память возвращала картины прошлой их встречи.

Он вспомнил какое-то заброшенное складское помещение. И людей с оружием перед разбитыми окнами. Все бойцы были экипированы в бронежилеты, каски, защитного цвета одежду и высокие ботинки. Они жались к стенам, робко выглядывая в окна, ожидая, что сейчас на них польётся ураган пуль. Впрочем, их робость была лишь кажущейся. Бойцы были опытные. По их потрёпанному, но всё ещё бравому виду можно было понять, что повидали они немало. Шверцеву всё происходящее тогда казалось, как в фантастическом романе. Построили суперкомпьютер и стали к нему всех чипами в мозгу подключать. Чтобы общаться и быстро информацию получать. А суперкомпьютер, не будь дурак, всех, кто подключён, стал в рабство обращать. Ну и, естественно, повстанцы и прочие появились. И Игорь тогда был среди повстанцев. И вот теперь он сидит с ними на этом заброшенном складе и ждёт посла от суперкомпьютера. Вот к складу подъезжает открытый джип, и из него выходит женщина. Вся в белом. Юбка, туфли, блуза, пиджак – всё белое. И белые кучерявые волосы, обрамляя худое лицо с немного крючковатым носом, ниспадали на плечи. Тонкая талия и стройные ножки говорили о том, что их обладательница следит за ними довольно-таки тщательно. Только нос немного портил её, но в целом она была красива.

Женщина вошла в двери склада. Чуть замерла в дверях, положив худую руку на дверной косяк.

Борис, руководивший тогда повстанцами, подошёл к ней:

– Вы и есть Его посланница?

Женщина с упрёком посмотрела на него:

– Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, да. Это я и есть. – Потом она заметила Игоря, также подошедшего к ней, и улыбнулась ему своей широкой улыбкой. – Привет, Игоряшик.

– Здравствуй, Лидия.

– Ну, – женщина жеманно сжала губки, – не стоит столь официально.

Она сделала пару шагов вперёд, хрустя тонкими каблуками на битом стекле («И ведь не боится туфли испортить», – почему-то подумал Игорь.), обернулась к Борису и, смущаясь, спросила:

– Мальчики, а где у вас туалет?

Удивлённый Борис рукой показал в дальний угол большого помещения. Элегантно покачивая бедрами, Лидия пошла в указанном направлении и скрылась за дверью с облупившейся коричневой краской. Вооружённые люди, бойцы даже не оглянулись на неё. Они были опытны, и ничто не могло отвлечь их. Вот в каком-нибудь баре непременно обратили бы внимание на такую красотку, но здесь для них существовало лишь оружие и долг.

– Так вы, оказывается, знакомы! – Борис повернулся к своему соратнику.

– Да. Знакомы.

– И что это за человек?

– Ну что тебе сказать? Я знал её как откровенную бл*дь. Она старалась переспать с любым понравившимся ей мужчиной. И женщин, впрочем, тоже не пропускала. Но при этом у неё муж и двое детей, которых она очень любит. А секс на стороне не считала изменой и говорила, что это просто нормально. Главное, что любит она мужа, а остальное это не более чем снятие стресса и напряжения.

– Игорь, она и с тобой спала.

– Нет.

И это была сушая правда. Игорь и Лидия оба старались, чтобы их отношения никогда не выходили за рамки дружеских. И если бы не последняя ссора, произошедшая за полгода до описываемых событий, они, может, и до сих пор оставались бы друзьями.

– И потому я не пойму, как она, будучи противницей проекта чипов управления и связи, вдруг становится посланником суперкомпьютера.

Вдруг мощный взрыв сотряс стены здания. Шверцева откинуло на Бориса, вернее, на мягкий живот последнего. Когда же Игорь очнулся, то увидел что угол помещения, в котором размещалась туалетная комната, обвалился.

– Видимо, взрыв был рассчитан на нас, – стоя на четвереньках и отплёвываясь от пыли во рту, проговорил тогда Борис, глядя в ту же сторону...

И вот теперь этот человек с хорошим здоровым аппетитом сидел напротив него и рассказывал, как у него хорошо и счастливо идут дела.

– Ну что, – сказал Борис, закинув в большой рот последний кусок колбасы и запив его последним глотком кофе. – Мне пора. Бывай!

Игорь пожал протянутую руку. Борис, жизнерадостно насвистывая, покинул кафе.

Пилот «Водовоза» смотрел ему вслед.

– Разрешите?

Игорь повернулся на ласковый женский голос. Соня стояла с подносом в руках возле его стола. Он улыбнулся ей, как старому знакомому, которого всегда был рад видеть.

– Да конечно. Прошу вас, – указал он на свободное место за своим столиком.

В то утро они проболтали довольно-таки долго за столом. Игорь рассказал, откуда появились транспорты, подобные тому, который водил он. И что вскоре они заменили все остальные средства передвижения по планете. На вопрос же Сони, почему он назвал свой транспорт «Водовозом», Игорь объяснил, что первый свой рейс он совершал с грузом баллонов воды

для города, подвергнутого землетрясению. Там ощущался явный недостаток в питьевой воде. А незадолго до этого им был откопан в коллекции его деда старый, ещё чёрно-белый фильм-комедия, и в этом фильме мужичок так же возил воду и пел песенку водовоза. И как-то так само собой и вышло название его транспорта. Соня долго смеялась, когда Игорь своим голосом, и при этом лишённый всякого музыкального слуха, пропел ей эту песню.

О себе девушка поведала, как училась в институте и теперь работала представителем одной известной фирмы по продаже лекарств. На «Водовоз» Игоря она попала совершенно случайно, просто опоздала на рейсовый пассажирский транспорт. И пришлось добираться за свой счёт.

На борт транспорта они вернулись добрыми приятелями.

Едва войдя с улицы в коридор транспорта и намереваясь проверить, как там дела у дочери, после чего двинуться в дальнейший путь, пилот почувствовал в коридоре запах табака. Как человек, лишённый или, лучше сказать, сбереженный от привычки курить, запах табачного дыма он чувствовал издалека и в замкнутом пространстве совершенно не мог его переносить.

Курить на борту «Водовоза» мог лишь один человек. Переполненный святым гневом и желая покарать виновного, Игорь помчался к каюте деда. По дороге он столкнулся и чуть было не сбил с ног Клавдию Ивановну, уже загнавшую Анжелочку в каюту и шедшую в галююн. Она испуганно прижалась к переборке, едва завидя несущегося пилота.

Быстро выкрикнув: «Извините», – Игорь подскочил к каюте Фёдора Михайловича и заколотил кулаками в дверь.

Спустя минуту дверь открылась, и в коридор вывалили клубы дыма (непонятно как не сработала пожарная сигнализация) и вслед за ними показалась фигура в сером костюме.

– Отчего такой шум? – Фёдор Михайлович не был раздражен, но сильно удивлён происходящим.

– Вы разве не видели этот знак? – Игорь, едва сдерживая гневные порывы и чуть ли не срываясь на крик, тыкал пальцем в небольшой знак, висевший над дверью каюты в виде красного круга и перечёркнутой дымящейся сигареты.

– Вообще-то, показывать пальцем неприлично, молодой человек, – дед, видимо, решил, что нападение это лучшая защита.

– Ага. А курить, когда это запрещено, и совсем не думая о людях, которые находятся рядом с вами? Это как? Нормально?

– Но он нам особо и не мешает, – вдруг услышал Игорь за своей спиной голос Клавдии Ивановны.

Он развернулся к ней настолько резко, что женщина от неожиданности даже немного вздрогнула.

Выбор, который вдруг оказался перед пилотом, был несколько неприятным. С одной стороны, он не выносил курящих людей, да и курение на борту транспорта могло привести к катастрофическим последствиям. А с другой, совсем не хотелось ссориться с женщиной, которая кормила вареньем и козьим молоком его дочь, ему совсем не улыбалось. Если ему, как человеку взрослому, уже было всё равно, кто и как к нему относится, то у его ребёнка впереди была целая жизнь, и неизвестно с кем и когда придётся столкнуться. И поэтому Игорь старался не портить отношения с людьми, которые хоть как-то были связаны с его дочерью. Немного подумав, он, обращаясь в основном к Фёдору Михайловичу, но краем глаза следя за Клавдией Ивановной, предложил следующее:

– Учитывая, что курение на борту «Водовоза» запрещено по инструкции (мы же тут все можем сгореть к едрене фене), и в то же время, понимая, что привычка есть вторая натура (читать лекции о вреде табака я не намерен, тем паче, что вы старше меня, и сами всё понимаете), я предлагаю делать остановки более частыми. Допустим, через каждые два часа. На полчаса. Вы сможете выходить курить на улицу.

Дед вежливо поклонился:

– Я согласен.

– И я тоже! – радостно воскликнула Клавдия Ивановна.

Теперь она могла выгуливать, пардон... пасти козу чаще, и это не могло её не радовать.

Женщина ласково положила ладонь на руку Игоря и сказала:

– Вы поступили совершенно правильно. А вечером я Лизоньке вашей ещё молочка дам.

И повернувшись, она вышла из каюты.

Игорь дождался, когда закроется дверь в её каюту, и спросил у деда:

– Пожарную сигнализацию вы отключили?

– Я! – старик гордо выпрямил спину и взглядом бравого солдата посмотрел на пилота. – В последнюю войну за ресурсы был диверсантом и имею немало боевых наград. А потом ещё руководил службой безопасности целого города. Ну, того самого, из которого мы вылетели...

Здесь Фёдор Михалыч вдруг как-то резко потускнел и остановился. Немного пожевал губами и закончил нехотя:

– Впрочем, это не очень приятная история...

Когда транспорт проходил этот участок пути, Игорю всегда становилось грустно. Конечно, есть и другие маршруты, но, как и всегда, выбирался самый прямой, самый экономичный по времени и топливу. Почти всегда это место было освещено солнцем, и при ясном свете различалось всё до мельчайших деталей. Путь пролегал через океан. Шверцев пролетал над водной гладью, блестящей тысячами искр солнечного света в своих волнах. Голубизна неба несла в себе белые пуховые облака. Жить бы и радоваться, наслаждаться мировым, вздымающимся и опускающимся в своём солёном, синем водяным дыханием, покоем, но потом появляется оно.

Кладбище.

Кладбище кораблей. Созданное по инициативе всепланетного совета. Этим же советом забытое и брошенное. Дрейфующее, как позже узнал Игорь, по одному и тому же кругу течений. Их гнали сюда сотнями. Малые суда грузили на сухогрузы и танкеры. И последние топились прямо со всем своим грузом. Мощные авианосцы и лёгкие эсминцы так же нашли здесь своё пристанище. А на глубине величавыми дирижаблями и невиданными морскими чудовищами затоплены подводные лодки. С момента глубокого освоения космоса и переселения основной человеческой массы в звёздную пустоту весь этот металлолом оказался не нужен. Конечно, у некоторых оставшихся на планете есть катера и яхты, но вся основная масса судов находится здесь. Ведь на Землю никто ради курорта даже не приезжает. Слишком далеко она теперь от основных космических трасс. И суда большого водного пространства согнали сюда. Говорят, здесь было глубоко. Было. Когда-то. Потом стали подходить корабли. Их взрывали – они шли на дно. В какой-то стародавней войне тоже так топили корабли. Однако это только затем, чтоб не пропустить врага в свою бухту. А здесь прощались со старыми верными друзьями. Сотни и тысячи. Теперь они лежат здесь и верхние торчат остовами из воды, медленно ржавея и напоминая о том, что ждёт нас всех. Тысячи моряков остались без работы, и казалось, катастрофа будет неминуема. Голодные бунты и всё такое. Ан нет. Практически все сразу же были завербованы в космические флоты различных планет, а некоторые перехо-

дили, прямо целыми приморскими городами под юрисдикцию той или иной звёздной системы. Теперь на безбрежных просторах Земли перевозят грузы лишь воздушные транспортники вроде «Водовоза». Но ведь история повторяется дважды. Сначала как трагедия потом как фарс. Игорь догадывался, что придёт то грустное время, когда так же сгонят в одно место все транспорты и устроят кладбище из них. А куда тогда ему? Видимо, предстоит устроиться дворником или пастухом каким-нибудь. И так, пока не умрёт.

Как-то в одном из городов, где транспорт загружался достаточно долго – несколько дней – Игорь прошёлся по местным музеям. В одной картинной галерее он увидел полотно, которое с тех пор стояло перед его глазами, словно предначертание его собственного будущего. К сожалению, автор не запомнился, а вот название въелось в память. А что есть эта самая память? Лишь обрывки былых событий, интерпретированных мозгом до ситуации комфортного бытия. Ведь то или иное событие в жизни может быть сохранено в ячейках человеческого мозга, как нечто порождающее удовольствие, как при прокручивании киноленты любимой картины, так и чудовищное терзание сознания пережитым ужасом, а равно дополнение надуманными рисунками прошлого для оправдания будущего.

«Море в Нормандии». Так называлась картина. На фоне прибрежных скал, бушующего моря и небес, затянутых свинцовыми облаками, было изображено парусное рыболовное судно. О том, что судно рыболовное, было понятно по выкинутым на берег сетям и корзинам. Само же судно лежало левым бортом на камнях. Было видно, как в пробоину борта, обращённого к морю, неистовые волны закидывают свою солёную пену. Все мачты, кроме бушприта, были изломаны жесточайшим ветром. Казалось, что никогда этому паруснику не скользить по водным лазурным просторам, никогда более его трюм не будет заполнен рыбой – ярость моря должна была разбить корпус о камни в считанные минуты. Но если судить по небу, то шторм стихал. Грозовые облака отходили в даль морскую, и судно ещё можно было починить. Рыбак, быть может, хозяин парусника, сидел на камне и смотрел в землю. В его взгляде совсем не было трагичности, скорее, грусть и покорность судьбе. О чём он думает? О предстоящем ремонте или о том, что на оный нет денег? О том, что улова не будет, и нечем будет оплатить долги: придётся снова унижаться и просить кредиторов об отсрочке? О жене, которая обязательно будет долго бранить или пилить: ведь знал, что может начаться шторм, ведь чувствовал, догадывался по приметам, что надо переждать дома, но зачем-то вышел на лов? Обычные человеческие повседневные заботы пригибали плечи рыбака к земле. А рядом его сын. Или дочь? Судя по картине, ребёнок был с длинными волосами. Впрочем, это могла быть и штормовая шапка с широким задним козырьком. Да и вряд ли рыбак потащил бы в море дочь. Вот сына – обучать ремеслу и перенимать опыт отца – запросто. Сидит на соседнем валуне и искоса поглядывает на отца. Лицо ребёнка безмятежно. Или, скорее, заинтересовано слегка тем, что же папа будет делать дальше. Ведь папа сильный и смелый рыбак. Папа должен справиться. Кто знает, может, это мнение сына и вдохновит потерпевшего кораблекрушение на то, чтобы не опустить руки, взяться за дело с песней и продолжить жить.

Шверцев, вспоминая картину, думал, что будет с ним и с его дочерью в подобной же ситуации. Сможет ли его девчонка стать вдохновением? Или просто разочаруется на всю оставшуюся жизнь. Нужен ли ей будет отец-неудачник – ведь от неудачи или катастрофы не застрахован никто. Или Лизоньке будет нужен папа таким, какой он есть? Всегда. Каким бы он ни был.

Едва Фёдор Михайлович вошёл в рубку, Шверцев сразу же почувствовал запах крепкого табака. Сидя спиной к двери, пилот сразу понял, кто пожаловал. Не то чтобы запах был ему неприятен, нет. Скорее, даже чем-то импонировал. Однако истории о сгоравших в полёте транспортах ни в коем разе не позволяли ему рассматривать вопрос о курении на борту не то

чтобы положительно, но даже и нейтрально. Ему уже приходилось видеть видео о том, как загоревшийся транспорт огненным болидом падал с небес на каменную землю, и после взрыва едва могли найти останки находившихся на его борту людей.

Игорь в пол-оборота повернулся к входному люку и с интересом взглянул на человека, грустно рассматривающего табличку, на которой в красном круге была намалёвана дымящаяся сигарета, перечёркнутая красной же широкой полосой. Шверцеву даже показалось, что старик вздохнул. Поднимать второй раз спор о курении Фёдор Михайлович не стал.

– Не помешаю? – осведомился старик.

Понимая, что конфликта не будет, Игорь пригласительно указал рукой на кресло рядом с собой и ответил, что, скорее, даже рад будет пообщаться. Бывший спецназовец уселся, положив ногу на ногу и сложив руки на коленях. Игорь с удивлением обнаружил в желтоватых, покрытых густой сетью морщин, но довольно-таки жилистых руках толстую книгу с прямым крестом на обложке и с золотым обрезом. Золотым же тиснением на корешке книге виднелась надпись «Библия». «Странно. Где в наше время человек мог купить Библию? Не скачать с Галакси-нета электронный вариант, а именно купить бумажную книгу. Впрочем, если при какой-нибудь из церквей ещё работают лавки, то там уж наверняка продаются и подобные экземпляры». Шверцев вдруг внутренне весь подобрался. Разговоры о религии не то чтобы пугали его, но из-за разных мнений о Боге предпочитал в дискуссии о Нем не вступать. Конечно, времена, когда разные конфессии типа МЦХ, Свидетели Иеговы, Пятидесятники, Баптисты и прочие посылали своих адептов нести Благоую весть людям, давно миновали. Сейчас все они давно уже замкнулись на самих себе, варясь в собственном соку и обращая лишь ближайших родственников. Однако вопрос о вере нет-нет да и всплывал между, казалось бы, совершенно незнакомыми людьми.

– Верите ли вы в Бога? – предчувствие не обманула пилота, старик задал самый обычный вопрос, с которого могла начаться самая ожесточённая война.

Шверцеву довелось как-то прочитать роман чешского писателя Карела Чапека о том, как люди, верующие каждый в своего Бога, устроили мировую бойню. Не хотелось бы повторений, пусть даже и в рамках отдельно летящего транспорта.

– Честно говоря, не ожидал от курящего подобного вопроса. – шпилька слетела у Шверцева с языка совершенно машинально.

– По-моему, у вас какое-то предубеждение?

– Вполне возможно. – Свои неприятные воспоминания были и у Игоря. – Батя у меня курил в своё время. При этом очень любил курить, сидя на табурете прямо посреди кухни, и при этом мне приговаривал: «Смотри, сынок, я курю, и это очень плохо. Не кури никогда». Я так и не понял, зачем учить человека тому, чего не можешь сделать сам?

– Сложный вопрос. Впрочем, возможно, тот, кто следует за Христом, и не должен курить даже трубку, хотя лично я согласен с мнением, что от курения трубок вреда нет. Но вы не ответили на вопрос о вашей вере.

– Ну, допустим, верю, – как можно нейтральнее ответил Игорь. – Хотя, скорее, нет, чем да.

Фёдор Михайлович опустил голову, тяжёлой ладонью погладил кожаный переплёт книги и, помолчав (было видно, что его терзает то ли тревожная мысль, то ли грустные воспоминания):

– Я вот тоже раньше не очень, – слова потянулись как-то тягуче, словно говоривший их испытывал Танталовы муки, произнося их. – Но вот после некоторых событий в моей жизни задумался, и довольно-таки крепко.

Лёгкий стук каблучков отвлек мужчин от разговора. В рубку вошла Лиза, прижимая к груди одной рукой альбом, кисточки и краски. В другой руке, вытянутой от себя, она несла

стакан с водой. Подойдя к своему столику, девочка, не выпуская стакана, попыталась положить альбом и кисточки, но всё это соскользнуло вниз и рассыпалось по полу.

– Лиза, – с укоризной сказал Игорь. – Надо было сначала поставить стакан, а уж потом всё остальное.

– Ага! Так и сделаю.

Девчонка живо стукнула стаканом по столу, так что даже часть воды выплеснулось на его пластиковую поверхность, после чего стала поднимать с пола всё, что было необходимо ей для рисования. Игорь обречённо вздохнул: «Ну что прикажете с ней делать?» – и обернулся к собеседнику. А тот продолжал смотреть на девочку с какой-то нежностью, прямо-таки любуясь из его глаз.

Дед сунул руку в нагрудный карман пиджака и достал оттуда маленькую шоколадку.

– Вы позволите сделать вашей прелестной девочке маленький презент?

Игорь кивнул, а Лизонька, оторвавшись от поднимания кисточек и красок, радостно подскочила к Фёдору Михайловичу и схватила предложенный подарок.

– Лиза, а сказать что надо? – сделал дочери замечание пилот.

– Спасибо! – воскликнул ребёнок.

– Да на здоровье! – в тон ей отвечал дед.

Всегда приятно сделать ребёнку что-то радостное, отчего малыш станет счастливее. Но потом он снова помрачнел, опустив вниз глаза. Его лоб нахмурился, а сам он как будто сжался. «Наверное, с его детками, что-то произошло» – подумал Игорь, но не стал лезть в душу человеку, сидящему рядом с ним. Просто не знал, как тот воспримет. Но старик уже сам как-то приободрился и вновь смотрел на мир орлом.

– А хотите знать, почему Бог разрушил Содом и Гоморру? – спросил дед у пилота. – Я, конечно же, не претендую на истинность, но мои чисто жизненные наблюдения подсказывают мне, что я не далёк от истины.

Вопрос был очень неожиданный для Игоря.

– Что ж, извольте. Только учтите, что я, к своему стыду, не очень хорошо знаю Библию, – только и нашёлся что ответить.

– О, не беспокойтесь. История вкратце такова, что Создатель разгневался на два города за беззакония их...

– Что же они такого натворили?

– А вот послушайте, что говорится в книге Иезекииля. – Фёдор Михайлович открыл книгу и принялся листать страницы в поисках нужного отрывка. Искал он долго, но наконец нашёл: – «Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала».

– Но это может относиться не только к этому городу, но и вообще ко многим, – лицо пилота исказила какая-то глуповатая ухмылка.

– Согласен. Но вот что примечательно (чёрт, ну почему здесь нельзя курить!), послал Бог ангелов разрушить сии два города. И был у Него разговор с Авраамом, и последний упрашивал не уничтожать эти города, ежели найдётся там достаточное число праведников. Сошлись они на числе равным десяти. Да вот беда: не нашлось в тех городах нужного количества. И вот тут самый интересный момент. Сколько бы я не читал Священное писание, я нигде не видел, чтобы дети считались бы грешными. Более того, если и сделал ребёночек что-то не так, то, как сказано: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться», – то есть подрастёт, так и поймёт. А пока не понимает, как винить дитя? А вот ещё надобно заметить для пояснения: с некоторых пор один из грехов зовётся содомией. А что сей грех означает? – Тут старик понизил свой голос почти до шёпота и наклонился к уху Игоря, видимо, не желая, чтобы их услышала Лизонька. – Содомия это название анального гомосексуального полового акта между мужчинами, проще говоря, мужеложство. А какие же дети тут

могут возникнуть? Видать, два этих города так погрязли в мужеложстве, что дети уже давно в этих городах не появлялись. А что эти действия в тех городах происходили, так об этом тоже в Библии сказано. Так вот, раз нет деток, нет и нужного числа праведников. И что самое интересное: раз нет в городе деток, он и должен был рано или поздно весь вымереть. Так что уничтожение данных городов это был лишь вопрос времени...

– Одну секунду, – прервал его Игорь.

Пилот взялся за штурвал и плавно повернул транспорт немного влево. Впереди, примерно метров в пятистах, блеснул предупреждающе маяк. Там начиналась зона радиоактивных заражений. Слушая проповедь, а ведь это была именно она, Игорь чуть не забыл про этот поворот, но вовремя спохватился.

– Извините, что перебил.

– Не стоит беспокоиться. Я всё понимаю, – Дед задумчиво замолчал, но вскоре продолжил: – И заметьте: на праведность деток, вполне возможно, ссылается Сам Господь, когда говорит, что мы должны им уподобиться. А также есть ещё один отрывок: «Жена спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Вы не согласны со мной?

– Если я уловил правильно вашу ключевую мысль, вы хотите сказать, что пока у нас есть дети, человечество на погибель не обречено?

Фёдор Михайлович аж просиял от того, насколько он был правильно понят.

– Вот именно, вот именно. Потому-то я так рад деткам, пусть не своим, так чужим. Опять же, нельзя не отметить и первое, что повелел Бог человеку: «Плодитесь и размножайтесь».

– Интересная позиция, – осторожно начал Игорь. – А как на счёт так называемого первородного греха? И что младенцев крестят? Чего ж их крестить, если они безгрешны? Или всё-таки человек грешен от рождения? Где найти объяснение всему этому? Хотя вы можете и не объяснять всё это. Как говорил преосвященный епископ Линда: «Церковь ничего не объясняет, она либо благословляет, либо предаёт анафеме».

По лицу Фёдора Михайловича было заметно, что подобная реакция Игоря была для него слишком неожиданна. Видимо, он ожидал, что Шверцев, скорее всего, заинтересуется словом Бога, но в более благодарном ключе, что ли. Старик даже расстроился. Он опёрся рукой на подлокотник и заговорил слегка неуверенным голосом:

– Вы знаете, это ведь тоже не такой уж простой вопрос. Некоторые подразумевают, что за термином «первородный грех» скрывается не то, что человек греховен от рождения, а то, что через грех Адама человек приобрёл смерть. И рождается он не греховным, а смертным. И крещение младенцев – это очищение его от греха родителей. Но впрочем...

Тут старик поднялся, взглянул на Лизу, старательно выводившую на белом альбомном листе синего в зелёную полоску кота, и направился к выходу. Около двери он обернулся.

– Всё же, друг мой, я склонен полагать, что вы ещё не раз задумаетесь о Боге.

Но Шверцев ничего не ответил.

Пилот сидел и смотрел, как проносятся под ними поля, покрытые золотой пшеницей.

Периодически заходя через портал в звездную сеть Галаксинет (так называли преемника некогда великой сети Интернет те, кто освоил другие планеты), Игорь, помимо поиска информации и просмотра почты, посещал и различные социальные сайты, где люди находили себе друзей по интересам с разных планет или общались со старыми друзьями и однокашниками. В какой-то момент времени эти сайты стали настоящей болезнью для своих посетителей. И пользователи этих сайтов могли часами «толкаться» и общаться в них, не обращая внимания на то, что творится в реальной жизни. Игорь и сам на какое-то время заболел этим. Поминутно

открывал ту или иную страницу, проверяя сообщения от друзей, или выставляя свои и оценивая чужие фотографии и видеозаписи. Но мало-помалу ему становилось скучно. С бывшими одноклассниками он был на разных ступенях социальной лестницы, а новым друзьям что-либо объяснять о своей жизни он уже устал.

Устал от постоянных вопросов: почему не посещаю межзвёздные курорты, а торчу всё время на этой замусоренной планетке? Почему не имею собственного звездолёта? Почему... Да, в общем, много всяких «почему». И надоело объяснять и рассказывать про жену, застрявшую во времени. Рассказывать о том, что надо заботиться о ребёнке, одевать, покупать игрушки и развивающие поделки. И Лиза к тому же обучалась игре на флейте в те моменты, когда была такая возможность. А ведь ещё была больная сестра, подключённая к аппарату обеспечения жизни. И за его обслуживание Игорь платил до тридцати процентов от зарплаты. И дом. У него был свой дом. У них был свой дом, помимо этого скитальца по трассам «Водовоза». И за домом надо было следить и порой обновлять то одно, то другое. Так что всех его оставшихся от разных уплат финансов хватало только лишь на питание и одежду. Лишь книги да стереокино позволял иногда Игорь себе купить.

Каждый раз, когда он разглядывал фотографии друзей с тех или иных мероприятий, читал их дневники, злая тоска грызла сердце пилота. Не зависть, а именно тоска от ощущения какой-то клетки. Клетки из тех, кто дорог ему. Клетки из любимых людей. И с этим ничего нельзя было поделать. Это просто была жизнь. Он всегда думал об этом именно в этом ключе, но иногда волна отчаянья накрывала его, и Шверцев становился злым и раздражительным.

И вот теперь, войдя в каюту, он по-прежнему пребывал в мрачном расположении духа. Первое, что бросилось ему в глаза, это была их с дочкой постель, вся измятая, Лизка опять прыгала на ней, и перепачканная растаявшим шоколадом, который дочка держала в руках. Как всегда, смотря весёлый мультик, она забыла всё, чего было нельзя делать. Совершенно потеряв эмоциональное равновесие, пилот повернулся к радостно прыгавшей девочке и обрушил на неё все накопившиеся за день негативные эмоции:

– Опять прыгаешь на кровати? Сколько раз можно говорить, чтобы ты этого не делала? Нравится, что папа ругается?

Лизонька остановилась и перепугано уставилась на него. И тут же проговорила:

– Прости меня, папа.

– Что «прости»? Опять «прости»? А оно мне не нужно, это твоё «прости»! – Игорь уже орал на девочку. – Я просто хочу понять, зачем ты это делаешь. Зачем не слушаешься?

– Не знаю, папа, – чуть не плакала уже Лиза.

– Ну вот тогда постой и подумай, – Игорь схватил её за руку, стащил с кровати и рывком поставил в угол каюты, совсем не замечая в гневе своём, что слишком сильно сжал девочку. У Лизоньки от боли навернулись на глазах слезки, и она, уже стоя в углу и заломив руки, сквозь рёв и сопли, кричит:

– Папа, ты сделал мне больно! Папа, я, правда, не знаю, зачем я это сделала! Ну прости меня, папочка, пожалуйста!

И слёзы покатились из глаз её ручьями.

И только теперь, опомнившись, разгорячённый отец, взяв себя в руки, сел на измятую и перепачканную кровать. Слушая всхлипывания сквозь слёзы дочери, он словно возвращается в своё прежнее состояние любящего доброго папы. Нет. Он не имеет права срывать свои обиды и боли на ребёнке. Он жестом подзывает её к себе. Лиза выходит из угла и робко, бочком приближается к отцу.

– Ты боишься меня, доченька? – тихо спрашивает он.

– Да, – так же тихо шепчет она.

– Прости, что сделал тебе больно. Дай я обниму тебя, – и уже когда девочка обняла его своими худенькими ручками, продолжил: – Не бойся меня. Я так тебя люблю. Ты самый дорогой для меня человек.

Лизонька всё теснее и теснее прижималась к своему папе, а тот, вновь открыв своё сердце для боли и тоски, думал, что ничего нельзя изменить. Каждый день будет одно и то же. И это будет долго, невероятно долго. Можно, конечно, попытаться поменять работу, но что делать с дочкой? Она уже успела привыкнуть к кочевой жизни – главное, рядом с папой.

«Зеркало – гладкая поверхность, предназначенная для отражения света (или другого излучения). Наиболее известный пример – плоское зеркало». Так, по крайней мере, написано в энциклопедии. Но сколько тайн видело в этом простом отражении солнечных лучей человечество. Сколько будоражило мыслей и идей. Тут тебе и параллельные миры, в которые можно попасть, пройдя через зеркальную поверхность, и видения прекрасных суженых или приходящих ненастий, в руках гадалок. Своё зеркало было и у Игоря. И видел он в нём своё отражение. Вернее, не совсем своё.

Находясь транзитом в одном небольшом городке, Шверцев, в ожидании погрузки, бродил по центральным улочкам. Он любил ходить по городам, где приходилось бывать. Жизнь людей, их обычаи и уклад с одной прогулки, конечно же, не понять – это надо с людьми жизнь прожить да, как говорится, пуд соли съесть. Но вот на секунду представить себя не чужим туристом, а аборигеном было вполне достаточно. Игорь предпочитал прогуливаться неспешной походкой, заглядывая в витрины и смотря на лица людей. В тот день прохожих на улице было мало. Быть может, в силу того, что это было обычное рабочее время и все были заняты важными делами и, кроме Шверцева, всем остальным было не до прогулок. Проходя мимо одной из лавок, он заметил вывеску над входом, гласившую, что в данном магазине торгуют антиквариатом. Игорь зашёл, чисто из любопытства – денег на дорогие безделушки всё равно не было, а от полуденного зноя хотелось уже на пару минут укрыться.

В магазине было довольно-таки светло – глазам даже не пришлось привыкать к отличному от уличного освещению, что бывает, когдаходишь с солнечного двора в тёмное помещение. В общем-то, всё было как обычно. По полкам и прилавкам расставлены вещи, бывшие когда-то в моде или просто в обиходе. Но с того момента утекло немало воды, и потому вещи можно было считать ценными. Даже если это была обыкновенная ложка для супа. Впрочем, кроме ложек, здесь красовались сервизы китайского фарфора, тульские медные самовары, комоды и полочки из красного дерева. Присутствовал и отдельный стенд с оружием: саблями, мечами, пистолетами. На полу возле стенда стояли ручной пулемёт с патронным диском и какой-то ящик, напоминавший полевую радиостанцию времён Второй мировой. Около этой небольшой коллекции средств уничтожения человека о чём-то оживлённо спорили трое мальчишек лет девяти. При этом они размахивали руками, словно жесты помогали им лучше объяснять оппоненту свою позицию.

В дальнем углу магазина за прилавком сидел мужчина лет пятидесяти и скучающим взглядом посматривал на только что вошедшего Шверцева. За его спиной стоял высокий, чуть выше человека, предмет, спрятанный за синюю бархатную занавеску и прислонённый к стене. Непонятно почему, но Игорю стало чудовищно интересно узнать, что там спрятано.

– Что это? – спросил он тогда у продавца.

– Это зеркало души, – устало сказал продавец, как будто вопрос уже изрядно надоел ему, – оно показывает душу человека. Не самого его, но то, на что похожа его душа.

– А можно посмотреть?

– Я бы не советовал. Вдруг вам не понравится то, что вы увидите. Кому хочется видеть себя в реальном виде.

– Только что вы говорили не про реальность, а про душу, – усмехнулся Игорь.

Но продавец, строго взглянув на него, отвечал:

– А душа и есть наша самая главная реальность. Само человеческое тело – это не более чем обёртка от конфеты. Вы же знаете наверняка с детства, что под яркой обёрткой может быть ужасно горькая карамелька. Наверное, вас в детстве хулиганящие друзья пытались такой угостить. А бывает, что под самым обычным фантиком будет конфета, которая станет вашей любимой. Вот я, например, с детства люблю «Барбариски» – леденцы такие.

– Я знаю. – Эти конфеты были знакомы и Игорю. – Но я с вашего позволения всё же взгляну.

– Что ж... Я не препятствую. Прошу только пройти под занавеску. Не хочу, чтобы кто-нибудь вошёл и увидел себя. Мне клиентов терять незачем.

Игорь обошёл прилавок, приблизился к зеркалу и влез под скрывающую его материю. То, что он там увидел, поразило его. Глядя в то, что он видел в отражении, он решил вернуться на «Водовоз», собрать все деньги, которые у него были (а если понадобится, то и у друзей занять), но купить этот товар.

Он вышел из-под занавески и приблизился к продавцу.

– Сколько? – хрипло спросил он продавца, показывая рукой в сторону товара.

– Неужели вы хотите приобрести? – глядя на ошарашенное лицо пилота, поинтересовался тот.

– А как ещё не возгордиться и не дать себе расслабляться, кроме, как постоянно смотря внутрь себя?

– Дарю, – резво вставая, воскликнул продавец. – Вам дарю. Эй вы! Тихо, а не то выставлю на улицу! – прикрикнул он на мальчишек, которые спорили уже чуть ли не в полный голос. Потом вновь обернулся к посетителю. – Глядите на себя чаще, и оно вам поможет. Только смотрите, не привыкните к тому, что будете видеть.

– К этому нельзя привыкнуть, – весело сказал Игорь.

– Некоторые привыкают. – Только и ухмыльнулся владелец антикварного магазина.

В тот же день Игорь перенёс зеркало в свой транспорт. Пилот разместил его в коридоре, предварительно сконструировав механизм, который при нажатии на едва заметную панель возле ниши с зеркалом, менял «зеркало души» на самое обычное, точно такое же по размеру и отделке, но отражающее самый обычный мир и того кто смотрит в это зеркало.

И вот сейчас, выйдя из каюты (Лизоньке снова был включен монитор с мультиками), он с помощью поворотного механизма вытащил на передний план «зеркало души». Отражение в зеркале усмехалось на него усмешкой продавца. Он действительно начал привыкать к этому отражению. Шверцева охватили стыд и мрачное сожаление. Протянув к зеркалу руку, он увидел, как в отражении к нему навстречу потянулась зелёно-коричневая, вся в бородавках, тонкая, так что сквозь пучки мышц проглядывали кости, лапа, похожая на лапу ящерицы или жабы. Игорь дотронулся до стекла и провёл пальцами по гладкой поверхности. И ему послышалось, как из глубины отражения раздаётся скрежет острых крючковатых когтей по стеклу. На него смотрела то ли ящерица, то ли жаба. Скорее, ящерица. Впрочем, за бородавками и отваливающимися кусками сухой жёлтой чешуи было трудно понять, на кого всё же было похоже существо в отражении. Из полуоткрытого рта, набитого гниющими зубами, капает на пол слюна. И даже не капает, а тонкой струйкой стекает на палубу. И пенис здоровенный. Ну, это уж само собой. Какое исчадие ада без мерзкого длинного пениса.

Игорь задумчиво отошёл от зеркала и, повернув за угол, пошёл по коридору в салон к выходу. Навстречу ему с большой охапкой полевых цветов, в тонком лёгком платье в таких же полевых цветах шла Соня. Она, улыгнувшись и продолжая сжимать слегка полноватыми

нежно-розовыми руками букет, приветливо кивнула ему головой. Игорь улыбнулся и кивнул в ответ. Вид мерзкого чудовища вылетел из его памяти. Он немного рассеянно посмотрел ей вслед. Он видел, как она зашла за угол, словно лёгкой бабочкой скользнула. Игорь стоял, как оцепеневший. И вдруг раздался крик!

Соня, уже без букета цветов, с растерянным лицом, по которому потекли слёзы, выскочив из-за поворота, упала к нему в объятия.

– Там, – сквозь слёзы проговорила она. – Я там посмотрела в зеркало и вдруг увидела крысу. Там в зеркале крыса. Какая-то толстая и плешивая. И вся в сосках, как будто у неё был большой приплод, – она бормотала уже сквозь всхлипывания. – И хвост такой длинный и весь облезлый. И глаза красные и какие-то тупые.

Тут Игорь понял, что никогда не мог понять цвет глаз своего чудовища. «Чёрт! Забыл!» – только и успел подумать он.

– Подождите, я принесу вам воды.

Он отстранился от Сони и рывком выскочил за угол коридора. И он едва-едва успел переключить зеркало на обычное, как Соня вновь подбежала к нему и обняла.

– Пожалуйста, не оставляйте меня одну. Мне страшно, – уткнувшись лицом ему в грудь, сказала она.

А он стоял и обнимал её. Ему нравилось прижимать к себе эту девушку и слышать запах её. Аромат её нежной кожи и белых волос. Он, усилием воли чуть отстранив её от себя, показал на зеркало, в котором отражалась женщина в объятиях мужчины, и не более того. Лишь букет полевых цветов, лежащий на палубе возле их ног, немного напоминал о произошедшем.

– Посмотрите. Ничего страшного. Самое обычное зеркало.

Соня взглянула в зеркало и вдруг, слегка смутившись, отстранилась совсем от Игоря. Она закрыла порозовевшее лицо ладонями, провела ими по лицу, а потом по волосам, приглаживая их.

– Простите. Я что-то устала сегодня.

Она растерянно пошла к себе в каюту. На пороге оглянулась и, повернув к нему лицо, сказала со смущённой очаровательной улыбкой:

– Спасибо.

Дверь в её каюту закрылась.

Игорь снова посмотрел на зеркало. Когда-то он уже один раз забыл повернуть механизм и к «зеркалу души» случайно подошла Лиза.

– Папа, папа! – радостно закричала она тогда. – Там, в зеркале, полосатый пушистый котёнок на меня смотрит. Такой миленький!

Если пластмассовый детский, шарик синий или красный, не имеет значения, опустить на дно полной ванны и отпустить, то он выскочит на поверхность воды, чем непременно вызовет звонкий смех купающегося в той же ванне малыша. Даже если дальше станет просто плавать, покачиваясь на поверхности воды. Так и толстяк в спортивном костюме, облегающем его дородную тушку, выскочил из люка транспорта и замер на пороге, слегка покачиваясь на кривых коротеньких ножках. Однако его появление не вызвало ни смеха, ни радости. Игорь, сидящий на нижней ступеньке и оглянувшийся на звук шагов, даже поморщился при его появлении. Однако пилот вновь посмотрел вдаль, и мышцы на его лице разладила добрая, чего-то ожидающая улыбка.

– Ну и по какой причине, позвольте осведомиться, мы тут встали? – полный пассажир упёр руки в бока и взглянул на Игоря.

Тот продолжал смотреть вглубь леса, на опушке которого совершил посадку транспорт. Длинные, упирающиеся своими колючими кронами в облака, светлые сосны стояли проницаемой стеной. Почва здесь была, скорее, песчаной и потому высоченные хвойные деревья вытягивали из неё всю влагу, не давая прочим растениям и траве заполнять нижние этажи лесного мира. Впрочем, то там, то тут небольшими роями группировалась земляника, чей запах, с запахами древесной смолы перемешиваясь на ветру, будоражил ноздри зовом лесной чащи. Вдали сквозь прямые тонкие стволы маячили ветви кустарников, обросшие широким листьями.

Пилот смотрел на дорогу, что тянулась вдоль опушки, и слушал как гудят шмели и шуршат в иголках мыши. Он уже собирался ответить на вопрос, пусть и после небольшого промедления.

– Не слышу ответа, – услышал Игорь голос, прозвучавший в его голове вызовом на дуэль. Тотчас пропало всякое желание отвечать.

– Так надо, – только и смог угрюмо выдавить он из себя.

– Что значит «так надо»? – нежелательный собеседник не собирался отставать.

Поняв, что проще объяснить, Игорь постарался отвечать как можно сдержаннее, но в то же время и дерзко:

– Здесь живёт Боря. Я обещал привезти ему бочонок мёда. Сейчас он подойдёт, я отдам ему груз, и тронемся далее.

– Опять задержка, – толстяк, казалось, улыбался. В его улыбке пилот почувствовал, что-то недоброе. Злое что-то чувствовалось в этой улыбке.

– Да вы не расстраивайтесь, – примирительно заговорил Игорь. – Можно вон пока землянику пособирать. Она сейчас как раз поспела.

– Да, видимо, только это и остаётся, – продолжал «поливать масло в огонь» недовольный пассажир.

Шверцев, сойдя всё-таки с трапа и пройдя пяток шагов в лес, видел, как тот направился в чащу и вскоре скрылся среди деревьев, наклоняясь в поисках спелых ягод. Игорь, сложив около рта ладони в виде рупора, крикнул ему:

– Если Борю встретите, скажите, что Игорь привёз груз и пусть он поторапливается!

– Обязательно! Подрабатывать курьером моё любимое занятие, – отозвался голос из леса.

Тем временем и остальные пассажиры уже вышли из транспорта. Фёдор Михалыч, пользуясь случаем, раскуривал трубку. Клавдия Ивановна выгатила козу и пасла её в сочных травах широкого поля, что простиралось за транспортом. Соня же подошла к пилоту.

– Скажите, пожалуйста, а могу ли я как-то связаться со своей фирмой? – спросила она.

– Да. Конечно. В салоне управления напротив крайнего левого кресла установлен компьютер, подключённый к Галаксинету. На пульте поверните синий рубильник, и панель с компьютером выдвинется ближе к креслу.

– Спасибо. – Соня слегка коснулась тонкими пальцами с изображениями райских птиц на ноготках его плеча и удалилась обратно на «Водовоз».

А тем временем полный пассажир всё дальше уходил от места посадки. Он собирал поспевшую землянику и кидал её в рот, радуясь возможности хоть на время покинуть душную каюту. Он, тяжело отдуваясь, нагибался ниже к земле и заглядывал под листья в поисках желаемого. Но вдруг он почувствовал, как на его спину мягко легло что-то тяжелое. Сквозь тонкую ткань спортивной куртки кожу в нескольких местах легонько кольнуло. Толстяк медленно выпрямился и повернулся вокруг себя. За его спиной стоял медведь. Самый обыкновенный.

– Здравствуйте, – вежливо сказал медведь.

В ответ на это толстяк, дико заорав во всю свою немаленькую глотку, ринулся обратно к транспорту, ломая на пути невысокий кустарник и приминая оборванную землянику.

Но, как известно, медведи бегают довольно-таки быстро, несмотря на всю свою неуклюжесть. И только толстяк пробежал метров пятьдесят, как из-за кустов сбоку высунулась морда того же самого мишки и проговорила, вежливо, но чётко:

– И бояться меня не надо.

Однако толстяк припустил ещё сильнее. Он орал, обезумев от страха, так что все лесные птицы поднялись в воздух и защебетали, оповещая весь лес о тревоге. Толстый мужчина уже выбегал на опушку, как в очередной раз услышал у себя за спиной сквозь топот тяжелых лап голос медведя:

– И не кричите, пожалуйста. Вы же всех напугаете, а так поступать нехорошо.

Но толстяк уже пулей вылетал из лесу и нёсся к «Водовозу» что было сил.

Коза, пасшаяся недалеко от транспорта, медленно и аморфно подняла голову. Она, равнодушно пережевывая траву, посмотрела на бегущего и орущего мужчину. Потом увидела медведя и с криком «Бе-е-е-е-е-е-е!» рванула вслед за толстяком. Клавдия Ивановна бежала следом за своей козой, и вскоре все трое достигли спасительного транспорта и, толкаясь, поспешили спрятаться внутри. Однако Игорь как ни в чём не бывало спокойно встал со своего импровизированного табурета и с радостной улыбкой смотрел на мохнатую тушу приближающегося животного. Фёдор Михайлович стоял рядом. Его трубка дымилась, но старик, держась за неё словно за спасательный круг, в упор смотрел в ту же сторону.

Медведь, добредя, наконец, до транспорта, встал на задние лапы и сказал:

– Здравствуйте.

– Привет! – весело воскликнул пилот.

Дед вынул изо рта трубку, изумлённо поклонился животному.

– Боря! – Лизонька выскочила из транспорта и подбежала к медведю.

Тот подхватил её обеими передними лапами и несколько раз подбросил вверх, аккуратно ловя в меховые объятия.

– А папа тебе мёду привёз. Целую бочку.

И Лиза развела руки в стороны, показывая, каких размеров должна была быть бочка.

– Мёд это хорошо. Спасибо. Я люблю мёд, – отвечал медведь, и пилот готов был поклясться, что на его морде засияла улыбка.

– Он говорит? – изумлённо проговорил дед.

– Да, – отвечал ему Игорь. – Учёные какой-то эксперимент проводили и теперь он говорит. Очень добрый и дружелюбный мишка. Главное, его кормить, и всё будет в порядке.

Фёдор Михайлович уже пришёл в себя и, выбивая трубку, проговорил:

– Вы, молодой человек, в следующий раз всё-таки предупреждайте. – Было видно, что его руки мелко-мелко трясутся и что лишь великим усилием воли этот статный старик сдерживает страх и, может быть, даже гнев оттого, что его не предупредили заранее.

– А почему он здесь?

Игорь вдруг почему-то расстроился, будто осознание цели медведя в этих краях было ему крайне неприятно. Сложив на груди руки и тяжело вздохнув, пилот ответил:

– Он страж или привратник запретного города.

И более не говоря ничего, направился к грузовому люку выкатывать обещанное лакомство для мишки.

Фёдор Михалыч, придерживая у рта трубку, смотрел ему вслед. «Запретный город». Что-то он об этом слышал, но не помнил что.

После непродолжительного обеда с Соней на стоянке, Игорь, как обычно, зашёл проведать свою девочку (та листала какой-то девчачий журнал, валяясь на кровати и слушая радио)

и, удостоверившись, что с той всё хорошо, направился в салон управления. Двое из пассажиров уже были там. Собственно, фигура одного из них, одетая в синюю спортивную кофту и такого же цвета спортивные брюки (отчего хозяин этой фигуры ещё больше походил на перекачанный воздушный шар), сразу же бросалась в глаза. А вот Фёдор Михайлович в своём элегантном сером костюме почти сливался со стеклами, за которыми небо было затянуто мутными светло-серыми облаками. Толстяк о чём-то горячо и убеждённо говорил деду. Тот, посасывая во рту свою пустую трубку, неприязненно смотрел на этого вечно недовольного человека. Объёмный пассажир закончил свой пылкий шёпот и поинтересовался своим обычным голосом, как бы ища окончательного решения:

– Ну, так вы согласны?

– Нет, – ответил ему Фёдор Михайлович, вынув трубку изо рта. – Я даже больше скажу: ваше предложение напоминает склочный заговор, а не благородное возмущение. Лично я уверен, что о таких вещах необходимо говорить прямо, а не втягивать толпу посторонних людей подстрекательствами.

– Так, – спокойно сказал «подстрекатель», – хорошо. Это ваше право. Никто никого не заставляет.

И толстяк отвернулся от деда. В тот же самый момент его взгляд встретился со взглядом Игоря. Полный пассажир гордо вскинул голову, так что его щёки затряслись (впрочем, это могло Игорю только показаться), и, слегка повернувшись в сторону Фёдора Михайловича, взвизгнул:

– Хотите прямо и благородно? Что ж, извольте.

Потом он раскрыл блокнот и, сверяясь с записями, стал желчно выговаривать Игорю:

– Итак, наш дорогой и многоуважаемый капитан, я взял на себя смелость провести на вашем транспортном средстве некую ревизию. И вот что я нашёл. Во-первых, у вас неисправна сигнализация пожаротушения...

Фёдор Михайлович, на это замечание смог лишь виновато развести руками в стороны и пожать плечами, как бы говоря этим жестом: «Откуда я мог знать, что так всё обернётся».

– Во-вторых, у вас в коридоре не соблюдаются нормы чистоты. Мною была обнаружена в коридоре разбитая банка с какой-то белой жидкостью. Я даже об неё испачкал свои туфли. И эти осколки, и вытекшая мерзость провалились в коридоре около часа, как будто до них не было никакого дела.

– Ой! – Клавдия Ивановна за спиной у Игоря приложила руки ко рту.

Пилот уже перестал удивляться странности пассажиров находиться у него за спиной не только во время полёта, но и вообще в любой момент времени. И он хорошо помнил этот случай, когда нёсшая с утреннего надоя банку молока хозяйка козы Анжелочки, задела плечом угол коридора, и банка, выскользнув у неё из рук, упала на стальную палубу. Клавдия Ивановна тогда долго искала Игоря, а он, ещё целый час мило беседуя с Соней о последних новинках кинематографа и о разнице между фантастикой и мелодрамами, не ведал о случившемся. И лишь вернувшись на «Водовоз», обнаружил сей конфуз.

– Да при чём тут он, – начала Клавдия Ивановна, всей рукой показывая толстяку на Игоря, – это же я...

– А это теперь не имеет значения! – сердился полный пассажир. – Порядок должен быть. Да и потом, на данном транспортном средстве, как я заметил, совсем нет места для скотины, отчего вонь и прочие неудобства. Кроме того, я проверил груз. И заметил всю нерациональность погрузки. Мои контейнеры расположены ниже чужих. А поскольку я скоро прибуду на свою конечную станцию, мне придётся ждать, пока все грузы перетасуют, как колоду, выгружая те, что мне необходимы. Учитывая всё вышеизложенное, мне придётся потребовать от вас компенсацию за причиненные неудобства.

– Вы закончили? – спросил пилот.

– Да! И заметьте, я ещё не упоминаю про медведя. Делаю скидку на то, что это просто неразумная тварь. – Толстяк самодовольно и надменно посмотрел на Игоря.

Но пилоту уже приходилось встречаться с подобным отношением. Спокойно глядя на своего пассажира, Игорь отвечал ему:

– По поводу датчиков могу сказать, что ничто не вечно. Неисправности были выявлены и устранены (в глубине души ему совсем не хотелось выдавать деда-диверсанта). Стекло, то есть осколки и мусор, в коридоре убраны в кратчайшие сроки. На транспортах этого класса в принципе не предусмотрены места для скота. А что касается груза, то это вопрос к грузчикам на станции отправления. Хотите им позвонить и потребовать объяснения, почему груз установлен так, а не иначе? Вы вправе это сделать. А по поводу компенсации вам следует обратиться в суд.

Толстяк, видя что его слова не возымели действия, лишь сердито раздул ноздри:

– Что ж... До встречи в суде.

Недовольный пассажир покинул салон управления, едва не толкнув Клавдию Ивановну, до сих пор стоявшую в дверях. Дед вынул трубку и, как обычно, проговорив: «Ну почему же здесь нельзя курить?» – с улыбкой попытался приободрить пилота:

– А вы молодец. Ваше спокойствие только вывело его из себя ещё больше. Ведь он, стервец, что удумал: подготовить всех коллективно на вас жалобу подать. И вы бы остались без денег за эту перевозку.

– Да. Я понимаю, – проговорил Игорь устало. Такие ситуации забирали все его силы. – А сейчас извините мне надо готовиться к отправлению.

Он направился к своему креслу. Фёдор Михайлович, по опыту понимая тяжесть обстановки, ничуть не обиделся, но, подойдя к Клавдии Ивановне, взял её под локоток и вышел с ней в коридор.

– Нет, ну вы только подумайте, какой... – начала Клавдия Ивановна Фёдору Михайловичу. Дальнейшие её слова утонули в коридоре.

Только гора с горою не сходятся, а человек с человеком так запросто. И если это два старых добрых друга, то их встреча всегда радостна для обоих.

И так странно: можно порой общаться с человеком каждый день, обсуждать музыку и книги, делиться радостями и переживаниями, утешать и ободрять, между нами говоря, можно даже целоваться и думать, что этого никто не замечает, но вот время разводит таких людей и, встретившись снова, они не могут понять, в чём же были их точки соприкосновения. Что заставляло их быть близкими друг другу? И нет ответа на этот вопрос. Пережито и забыто. И даже и не грустно от потери отношений: так себе. Лёгкая ностальгия может охватить, и не более того. Ведь оба изменились, и каждый по-своему. Кто-то больше кто-то меньше, но дороги разошлись. И люди более не ровня друг другу. А ведь это неравенство не по социальному статусу, не по талантности или успешности, не по мировоззрению или идеологии. Это неравенство душ и сердец. Неравенство самих жизней. Как два карандаша из одной коробочки: когда коробку купили, все карандашники были ровненькими, одинаковыми. Но одним стали рисовать больше, другим меньше. И вот они уже разного размера. И один из них может истратиться раньше другого. Это уж как воля художника. Но художник мог оставить прежние краски и взяться за новые, и тогда более длинный карандаш сравняется со своим собратом и, лёжа рядом в той же коробочке они не будут «чувствовать» превосходства или недопонимания между собой. А если художник пренебрегал всё время одним из цветов, пренебрегал одним из своих карандашей, то тот, когда все карандаши испишутся и художник купит новую коробку, останется лишним. Особенно это заметно бывает в семьях, где один из членов семьи

решает, что ему уже не в чем расти, так сказать, «над собой» и застывает внутри себя подобно статуи, а другой развивается дальше. И приходит момент, когда эти люди, словно разнесённые течением реки-жизни в разные стороны, стоят на разных берегах, и они более не родные. Конечно, кто-то может отметить, что бывает муж, допустим, гений, а жена и не блещет талантами, то в чём же возрастать ей? Куда девать свой потенциал? В поддержке мужа (или жены, если ситуация обратная, а бывает и так) своей любовью, в увеличившемся стремлении сохранить домашний очаг и забота о здоровье. Мы ведь не молодеем, и тому же гению понадобится помощь, и откуда он получит её, кроме как от близкого человека. Возрастать в своих талантах надо обоим, пусть даже у каждого они свои.

Но бывает и иная ситуация. Люди могут не видеться месяцами и годами, но встречаются, как будто и не расставались. А вот они дышат одним воздухом и им уже от этого хорошо.

«Безумный хомячок» Сергея поравнялся с «Водовозом», и Игорь, наконец, смог радостно помахать своему другу через стёкла кабины. Они связались друг с другом ещё час назад, уточняя маршруты и точку соединения оных.

– Ну, здорово тебе, Игоряша. – бодрый Серёгин голос, словно глоток дождевой воды, смысл из гортани привкус утреннего скандала.

Шверцев наклонился к микрофону передатчика и ответил:

– И тебе не хворать, дружище! Как сам?

– Я-то в порядке, а вот Ленка толстеет. И переживает, что не влазит ни в одни штаны, и платья все узкими становятся в районе талии.

– Что такое стряслось? – Игорь забеспокоился. – Что-то с обменом веществ? К врачу ходили?

Он хорошо знал Лену, жену Сергея, и догадывался, что после рождения малыша (а это произошло около года назад) та могла поправиться, а для женщины это самое страшное, даже несмотря на то, что некоторая полнота иногда даже очень идёт ей и делает черты фигуры более выразительными.

– Да врач-то тут чего?.. Просто пятый месяц уже, и тут ничего не поделаешь и ни от кого не спрячешь.

– Это же просто здорово! – Игорь очень рад был за друзей.

Он нажал кнопку связи с капитанской каютой и сообщил дочери, что транспорт его друга уже подошёл.

Лизка радостно вбежала в салон, огляделась по сторонам и, увидев в левых окнах знакомый транспорт, радостно завизжала и бросилась к стеклу. Она прыгала и махала руками, заметив фигуру Сергея в кабине «Безумного хомячка».

– Дядя Серёжа, привет!

Её голос был настолько громок и весел, что достигал микрофона, и в летящем рядом транспорте был отчётливо слышен.

– Привет, Лизонька, привет! Как дела у тебя?

– Хорошо. Дядя Серёжа, а когда ты к нам в гости приедешь? – Лиза всегда радовалась добрым гостям, а Сергей был человеком добрым, хотя и старался в шутку прикидываться вредным и злобным. – На шашлычки.

– Скоро, деточка, о-о-о-о-чень скоро, – весело обнадёжил её дядя Серёжа и обратился к отцу девочки:

– Игорь, я через неделю буду дома, тогда смогу и к вам заехать.

Их дома находились на одной улице, но на разных её концах.

– Отлично! Я примерно в это же время тоже буду в отпуске. Ждём вас тогда всех вместе.

– Добро! Ну, бывай, полетел я.

– Дядя Серёжа, пока! – Лизонька помахала вслед транспорту ладошкой.

Сергей очень ласков был к дочери пилота. Это именно он научил её «смотреть ночь», как она потом выражалась. И она иногда просила отца, когда они пребывали дома, открыть шторы, и смотреть, что происходит за окном, перед тем как заснуть. Ночь за окном словно рассказывала сказки, а они лежали и смотрели, как идёт снег, или как вокруг уличного фонаря возникает аура из дождевых капель и мокрых листьев, соседних с фонарём деревьев, или как, заменяя собой всё тот же фонарь, луна светом своим зовёт в космические дали.

Игорь вёл свой водовоз дальше, а в его душе теплом светился огонёк, зажженный встречей с добрым другом

Связь с внешним миром подобна порой единственной надежде умирающего на лекарство. Хорошо, если она есть, и плохо, когда она исчезает.

Игорь, ведя «Водовоз» через горные хребты, увидел внизу группу людей, стоящих на краю обрыва над горной рекой. Было видно, как к месту, где они теснились, вела дорога. Недалеко от этой группы громоздились ящики и коробки. Люди стояли и смотрели на другой берег, так же представляющий из себя обрыв, и на другом берегу дорога шла от отрыва далее за хребет. Моста через реку не было. Завидев транспорт, некоторые люди из толпы призывно замахали руками, зовя на помощь. Пилот потянул штурвал и аккуратно посадил свой грузовой аппарат недалеко от груды ящиков.

Все пассажиры с любопытством глядели сквозь стёкла салона управления, как Игорь, покинув транспорт, миновал импровизированный склад и подошёл к людям у обрыва. Было видно, как они машут руками и показывают на «Водовоз». Игорь что-то отвечал им. Разговор, больше похожий на спор, продолжался ещё минут двадцать, при этом некоторые из спорящих показывали то на транспорт, то на обрыв, то на горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.